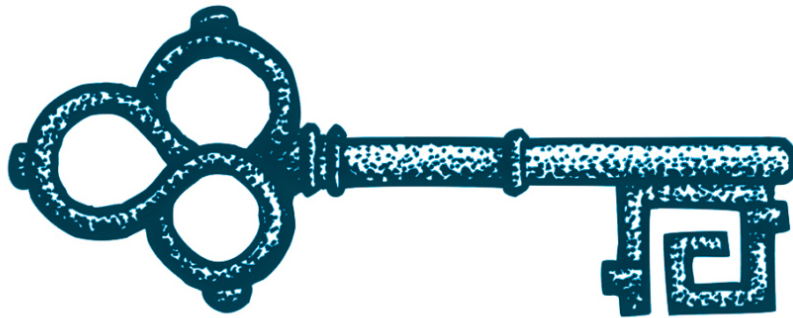

АЛЕКС БЕЛЛ

ДУМАЙ КАК ВЕЛИКИЕ

ГОВОРИМ
С МЫСЛИТЕЛЯМИ
О САМОМ ВАЖНОМ

БОМБОРА

Думай как император

Алекс Белл

**Думай как великие. Говорим с
мыслителями о самом важном**

«ЭКСМО»

2022

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)3

Белл А.

Думай как великие. Говорим с мыслителями о самом важном /
А. Белл — «Эксмо», 2022 — (Думай как император)

ISBN 978-5-04-173171-7

Мы привыкли думать, что философия — это скучно и сложно. Но авторы великих идей — Платон, Будда, Лао-цзы, Декарт и другие — были в первую очередь людьми, причем весьма неординарными. На страницах книги каждый из них рассказывает о своих концепциях сам, живым и понятным языком. Вы перенесетесь в прошлое и узнаете, как родились идеи, которые формируют настоящее и будущее — идеи, за которыми стоят лучшие умы человечества.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)3

ISBN 978-5-04-173171-7

© Белл А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	6
Предыстория	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алекс Белл
Думай как великие. Говорим с
мыслителями о самом важном

© Алекс Белл, текст, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Каждый человек задумывался о том, кто он, откуда взялся он сам и окружающий его мир, как возник уникальный голос его внутреннего «я», для какой цели он пришел на эту землю, и что останется после него.

При всей важности этих вопросов наука и сегодня, к сожалению, не может дать на них однозначный ответ. Но сам поиск ответа становится стимулом, который ведет вперед лучшие умы планеты. Этот поиск и неустанное развитие человеческого интеллекта вместе с расширением наших знаний происходит непрерывно вот уже несколько тысяч лет.

Сейчас, когда люди, родившиеся в XXI веке, уже становятся совершеннолетними, а скорость изменений в мире и потоки информации вызывают головокружение, одна из главных исчезающих ценностей – роскошь приятного, неторопливого, вдумчивого человеческого общения.

Знакомая нам сегодня картина мира и принятые обществом системы ценностей возникли не вчера. Все они формировались постепенно с глубокой древности. Это был долгий и трудный путь. Некоторые особенно выдающиеся мыслители выдвинули в свое время настолько сильные и яркие новые идеи, что их имена стали бессмертными, а их мысли и открытия и сегодня влияют на мир, который нас окружает.

Давайте представим, что нам, сегодняшним людям, выпал уникальный шанс – встретиться с этими мудрецами и визионерами и задать им вопросы о том, что нас волнует. Каковы были бы их ответы?

Из этой книги каждый сможет почерпнуть для себя идеи, созданные самыми яркими умами в мировой истории, изложенные понятным и близким нам языком. И, разумеется, с пользой применить эти знания на практике – чтобы сделать более разумной, приятной и счастливой свою собственную уникальную и неповторимую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА:

Путешествия в прошлое невозможны, так как они нарушали бы физический принцип причинности. Книга является художественным вымыслом, но ее содержание основано на исторических фактах и оригинальных работах избранных мыслителей.

«Я бы обменял все свои технологии на один день разговора с Сократом».

Стив Джобс, основатель компании Apple

«Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов».

Исаак Ньютон, изобретатель физики как науки

«Наступит время, когда все станет известным, закончатся споры о законах физики, и именно тогда... придет время философов».

Ричард Фейнман, Нобелевский лауреат, выдающийся ученый-физик XX века

Предыстория Миссия выполняема

Место: Нью-Йорк, офис главного редактора медиа-холдинга New York World Times

Время: 2054 год

– Сэр, я по-прежнему не могу понять, что вы от меня хотите.

– Все довольно просто. Например, вы хотите побывать в Египте первого века до нашей эры, чтобы оценить, так ли уж прекрасна и искусна в постели была царица Клеопатра. Правда лично вам предстоит заняться кое-чем другим: встретиться с людьми, сформировавшими самые влиятельные идеи в истории человечества. Пообщаться с ними. Узнать о них как можно больше. И рассказать затем об этом нашим разработчикам. Видите ли, все доступные в мире научные и философские тексты в наши нейросети уже загружены. Чтобы они развивались дальше, нужно нечто принципиально новое. Личный опыт, зафиксированный в нейронах вашего мозга.

– Вы хотите сказать, я окажусь в прошлом, где все будет происходить как бы на самом деле?

– Примерно так, да. Что-то вроде сверхтехнологичного, невероятно правдоподобного варианта дополненной реальности. По-настоящему переместить вас во времени мы, конечно, не можем. Но даже и такой шанс выпадает немногим.

– Что ж, считайте, что я согласен. Давайте начинать.

Спустя полчаса я уже лежал дома в наушниках, слушая свой любимый прогрессив-рок семидесятых, о котором теперь мало кто помнит. Я начинал засыпать, но вместо привычных обрывков прошедшего дня мне предстояло увидеть нечто совершенно иное – отстоящее на сотни и тысячи лет. История почти наяву.

Глава 1

Рассвет единого бога Заратустра)

Место: Древняя Парфия, восточная часть Иранского нагорья (север современного Ирана)

Время: 950 год до нашей эры

Трудный, изматывающий донельзя день. Хорошо, что под вечер начался сильный дождь, буквально тропический ливень. Ткань моей нехитрой одежды – серого льняного хитона до колен – промокла насквозь, но меня это не заботило: напротив, я почувствовал себя гораздо лучше.

Мои плечи, руки, истерзанные и онемевшие после напряженной физической работы в течение многих часов, омытые потоками небесной воды, почти перестали ныть. Кожа на ладонях, покрытая мозолями до потери чувствительности, как будто очистилась, раны на ней зарубцевались. Кажется, никогда в жизни я не был так рад дождю.

Все утро я, не останавливаясь, носил на вершину холма трупы. Мертвецов было много, к полудню их телами была покрыта вся вытоптанная и выложенная острыми камнями площадка вблизи вершины. В этом городке, затерянном на границе гор и великой пустыни на северо-востоке Парфии, бушевала эпидемия, мор. Среди свежих тел у подножия холма были и как будто только что заснувшие дети с черными как смоль волосами и длинными ресницами, и седые старики, и молодые женщины. Мертвецов было много: сотни, тысячи. Большинство скончались недавно, накануне или этой ночью, но тяжелый запах гниющей человеческой плоти уже стоял в воздухе.

В это утро с рассвета я работал насусаларом – мойщиком и носильщиком трупов. В Индии это самая презируемая работа, ею занимаются люди из нижнего слоя касты неприкасаемых. Но здесь, на землях индоариев, на нее смотрели иначе: носильщики трупов помогают умершему пройти по лезвию, не упав вниз, и достичь прекрасной Долины Песен. Я стоял над телом мальчика лет восьми, с темными волосами, красивыми чертами лица, бледной алебастровой кожей.

– Слава Ахурамазде! Ему не пришлось мучиться. Болезнь не успела покрыть его тело язвами. Значит он заболел вчера днем, и умер от лихорадки ночью. Начни с него. Потом займешься взрослыми. Они гораздо тяжелее, – обратился ко мне невысокий кареглазый мужчина с торчащей вперед черной бородой, командовавший мойщиками тел.

На вид ему было лет сорок пять, но на самом деле, вероятно, не больше тридцати: изнурительная работа под палящим солнцем старит довольно быстро. Я приподнял с земли тело мальчика, ловя себя на мысли, что подспудно боюсь причинить ему боль. Он выглядел как живой, и лишь неестественный холод тела давал понять, что это не так. Всех умерших сначала надо было тщательно омыть водой, а затем, с трудом сгибая их отекавшие, деревянные конечности, одеть каждого в седре – белую рубаху с девятью широкими швами, символизирующими девять составляющих человека. Даже у самых бедных местных крестьян есть хотя бы одна такая тонкая белоснежная рубаха, которую хранят с детства. Затем мертвых надлежало перевязать поясом кошти, сплетенным из тонких полосок овечьей шерсти, таким же белым. Этот пояс дарят младенцам при рождении, с ним же человек и уходит: кошти – своего рода духовная пуповина, вечная связь с Ним – величайшим и благостным творцом нашего мира.

Я спросил, зачем нужно нести мертвых на гору, почему их нельзя просто похоронить в земле. Старший посмотрел на меня сначала удивленно, но затем, вспомнив, что я нездешний, пояснил:

– Бог создал мир из четырех чистых священных стихий: огня, воды, воздуха и земли. Человеческая плоть и душа, созданные Им, тоже чисты. Но смерть – это зло, самое страшное. В момент смерти телом человека овладевает Ахриман, злой дух, подручный верховного демона. Это из-за него мертвые тела гниют и от них так дурно разит. Поэтому человека нельзя ни хоронить в земле, ни сжигать, ни класть вблизи источника, чтобы не загрязнить их высшим злом. К умершему нельзя подходить ближе, чем на тридцать шагов: демон коварен, легко может перескочить и в твою душу.

– А как же тогда мы?

– У нас есть особое разрешение от самого первосвященника. Кроме того, после работы вечером нам надо вслух читать Гаты, песни Бога, пред наичистейшим огнем.

– А ты сам видел первосвященника?

– Да, но всего пару раз в жизни. В обычных мистериях нашей общины он появляется редко. А в его великий храм на горе вход разрешен лишь абсолютно чистым людям и его доверенным слугам. Не таким, как мы с тобой.

– Вас туда не пускают стражи первосвященника?

– Нет, его храм не охраняется. Но запрет священен, и потому никто не посмеет нарушить его и навлечь на себя гнев Господа.

Капли пота стекали по моему лбу и спине, я дышал тяжело и надрывно. Тащить вдвоем носилки на вершину холма вверх по склону, по скользким, предательски осыпающимся мелким камешкам – настолько изматывающее дело, что хотелось лишь одного: бросить все и уйти. Но нас было мало, а все трупы должны оказаться на вершине точно к полудню. Тогда диск солнца и с ним сам Ахурамазда окажутся на вершине небосвода, чтобы обратить на умерших свой божественный взор. Солнце восходило быстро. Оставалось только упорно идти, преодолевая боль.

Мы успели. Тела в нарядных белых одеждах теперь были аккуратно сложены на ровной каменной площадке – дахме. Мы присели рядом ненадолго, только чтобы перевести дух. Кто-то поправил висевшие на вбитых в землю высоких шестах широкие белые ленты, заметные издали, чтобы никто случайно не приблизился к этому проклятому месту.

Огромная стая из сотни крупных грифов сидела буквально в десяти метрах от нас. Они не торопились, ожидая свою законную добычу. Стоит нам уйти, и они всей стаей набросятся на трупы. Начнут выклевывать им глаза, чтобы побыстрее добраться до вкусного питательного мозга, затем станут потрошить кишечник, отрывать запястья, чтобы унести большие куски мяса в гнезда своим птенцам. Никто не знает, сколько точно времени нужно, чтобы кости, как того требует закон, стали белыми и блестящими. Обычно за ними приходят через месяц: к тому времени кости полностью лишаются плоти, впитавшей в себя зло и грех. Их аккуратно складывают в погребальные урны на том же холме.

Наконец мы ушли, но один из нас все же остался. Ему предстояло дежурить у трупов до ночи, чтобы проклятые язычники, индийские бродяги агхори, поедающие свежие трупы людей для укрепления своих духовных сил, не разграбили дахму и не навлекли величайший грех ни на себя, ни на умерших.

Язычники. Старший заговорил о них, спускаясь с горы:

– Разум этих несчастных людей находится в непроглядной тьме. Они верят, что Вселенной управляют множество богов и божков, похожих на нас, простых людей. Какая несусветная глупость. Ахурамазда не похож на людей. Он абсолютно бесплотен и не подобен никому и ничему. Он находится везде и не находится нигде. Он – единственная причина всех вещей, всех событий и он же – единственный исход всего и вся. Он – луч солнечного света. Прямо сейчас он слышит наш разговор. Он смотрит за нами непрестанно, каждое мгновение. Когда мы умрем, он решит, сколько каждый из нас сделал добра или зла на этой земле. Умерев, мы окажемся там, где прямо сейчас находятся те, чьи тела мы только что носили. Там нам пред-

стоит пройти по тонкому как лезвие мосту Чинвад. Если Ахурамазда рассудит, что мы причинили миру больше зла, чем добра, то мы не дойдем до конца моста. Соскользнем вниз, прямо в кипящее масло. Но если мы были на стороне добра, нас ждет вечное блаженство. Там, в Долине Песен, мы всегда будем молоды, здоровы и красивы. Нас, как суженых мужей, ждут пригожие девы на ложах, разубранных подушками, в золотых браслетах и ожерельях. У них тонкий стан, длинные пальцы, они столь прекрасны, что сладостно смотреть. Дочери светлой Аши, всепроникающей доброты и праведного пути. Эх, оказаться бы там прямо сейчас...

Внизу солнце палило сильнее. После того, как мы утолили жажду колодезной водой, показавшейся теперь мне прекраснее изысканного вина, старший призвал нас на молитву:

– Кажется, полдень. Преклоним колени пред всемогущим и милосердным Ахурамаздой.

После молитвы я вновь спросил:

– А что еще есть в этой прекрасной долине?

– Табуны сильных, чистокровных лошадей, которые слушаются малейшего движения руки всадника. Озера, прохладные и прозрачные как слеза. Кладовые, полные серебра и золота без меры. Вечная радость. Мы увидим момент, когда Господь окончательно победит Ангра-Майнью, верховного демона, противника добра. После этого вся Вселенная станет как одна райская долина.

– А что станет с женщинами? С язычниками?

– Женщины, если они были скромны, благочестивы и верны мужу, пройдут через мост бок о бок с мужчинами. Ахурамазда, в отличие от всех придуманных божков, не делит людей по полу. Пред ним все едины, как дети пред добрым, щедрым отцом. Язычники, конечно же, попадут в ад. Не познав мудрость мира, не услышав Слово великого Пророка, им не перейти через мост.

Поблагодарив за питье и скромную пищу, я ушел. Мне не страшно было нарушить запрет и пересечь порог храма пророка Солнца. Кроме того, я знал, что именно сегодня ему грозит огромная опасность. Да, я не вправе вмешиваться в ход истории. Но кто знает, может быть, мои действия в прошлом когда-то и предопределили его?

Храм Заратустры (так родители нарекли то ли пророка, то ли первосвященника) стоял на горе далеко от города. Места здесь беспокойные, если не сказать больше. Много лет назад, когда пророк был молод, он открыл суть своего учения правителю ариев, который принял его веру и делал все, чтобы как можно больше подданных обратились в нее. Но теперь пророк был уже немолод, и все изменилось. Прежний правитель умер, началась смута. Если бы не сильно разросшаяся община, новый царь, не принявший учение о Свете и едином Боге, казнил бы даже самого пророка. Теперь его сторонники вынуждены были собираться на молитвы тайно, под покровом ночи, в небольших пещерах. А сам Заратустра укрылся в небольшом храме на холме посреди пустынной долины почти в полном одиночестве, не считая самых близких жрецов и нескольких преданных слуг.

Но сейчас даже и этому хрупкому миру грозила смертельная опасность. Племена из дикой, почти первобытной горной Бактрии, неуютного края (позже его назовут Афганистаном), как чума опустошали соседние страны, совершая жестокие грабительские набеги. Я знал, что именно сегодня бактрийцы вторгнутся в земли индоариев и, как обычно, не станут щадить ни женщин, ни детей.

Странный сильный дождь, столь необычный для этих мест в такое время года, поначалу не на шутку испугал меня. До храма пророка от города нужно было идти километров пятнадцать. По пути мне пришлось пересечь узкую, неглубокую, но довольно бурную речку с водой темно-оранжевого от песка и растений цвета. Ее течение могло бы убить меня, увлечь в водоворот чуть ниже по реке, если бы не старый прогнивший канатный мост. Цепляясь за его поручни, с замершим от страха сердцем я все-таки перебрался на тот берег. Заросшая тропа вела мимо пустых вымерших деревень, по бесплодной равнине, вдоль каменистых холмов. На

склоне одного из них издали я заметил небольшую стаю волков. Я знал, что местные считают волков, как и змей, порождениями дьявола. Волки меня учуяли и подняли головы. Но в этот момент они разделявали чью-то массивную тушу и не стали на меня отвлекаться.

Дождь прекратился, когда я достиг нужного мне холма. Каменный храм на вершине, с массивными стенами, оказался совсем небольшим, высотой всего метра три. Я даже не смог сразу разглядеть его очертания через листву деревьев. Поднимаясь по склону и стараясь привлекать как можно меньше внимания, я заметил двух людей с бородами, в белых одеждах, похожих на те, в которые мне утром пришлось одевать мертвецов, только гораздо богаче. Их одеяния украшались затейливой вышивкой, а на пальцах красовались перстни с драгоценными камнями. Они о чем-то очень оживленно говорили, почти кричали, но содержание беседы я разобрать не смог. Внизу, с другой стороны горы, их ждали несколько вооруженных слуг и пара повозок с лошадьми. Дождавшись, когда все они уедут, я поднялся к храму.

Прежде чем заглянуть внутрь, я почувствовал запахи. Ветер окропил меня каплями с нависших веток деревьев. Это была удивительная смесь запахов. Кажется, что природа после дождя переродилась, и чахлые, сожженные солнцем растения вдруг начали источать терпкий сладкий аромат. И было еще что-то в этом запахе, чего я не могу объяснить словами – нечто волшебное, что-то, чего в наше время природа уже не создает.

Быстро смеркалось. Из-за дверей храма ветер разносил легкий белесый дым. Наконец я заглянул внутрь. Не знаю, сколько лет было этому человеку. Может быть, немного за пятьдесят, может, гораздо больше. Я многое повидал в своей жизни, но столь величественных людей вряд ли встречал.

Он был высок, широк в плечах, одет в такие же белые, словно снег, одежды. Его массивный пояс был украшен золотыми вставками. Одухотворенное, благородное лицо обрамляла окладистая почти седая борода. Человек молился вполголоса. Его голова была поднята вверх, к каменному потолку, через щели которого пробивался еще яркий, хотя и предзакатный красноватый солнечный свет. На постаментах перед ним и вдоль стен храма горел огонь в керамических сосудах (но странным образом на стенах храма не виднелось следов копоти, не было и запаха дыма). Молитва первосвященника, произносимая мелодично на разные лады, была похожа на затейливую магическую песнь. Я понимал парфянские наречия, на которых говорили окружающие, но этот язык был иным, лишь отдаленно похожим. Из слов песнопений я не понял ничего, но их дух, настроение, мелодика завораживали так, что я был не в силах шагнуть внутрь.

Служитель сделал паузу, произнес еще несколько слов на все том же древнем, малопонятном наречии, запрокинул голову, глядя вверх с поднятым указательным пальцем правой руки, словно напряженно ожидая чего-то. Спустя несколько мгновений случилось чудо: солнце оказалось прямо над небольшим окошком у западной стены храма и через него яркими красными лучами осветило первосвященнику лицо. Оно бросило лучи на его фигуру, на одежды – словно разговаривая с ним. Священник поднял вверх обе руки, лицо его источало блаженство, кажется, совершенно неземное. Беззвучно, все так же с поднятым пальцем, он произнес несколько слов, обращенных, кажется, прямо к лику Господа. Через мгновение солнце опустилось ниже, перестав проникать через окно. Внутри храма стало намного темнее, чем прежде – теперь его освещал только горящий в сосудах огонь.

Я смелее зашел внутрь. Увидев меня, величественный священник вздрогнул, но тут же его глаза вспыхнули гневом, и он громогласно спросил, кто я такой.

– Я посланец нашего господина, правителя. Он собирает войска, чтобы дать отпор врагу. Он передает, что вам грозит великая опасность, и что прямо сейчас, не мешкая, надо уходить отсюда. У меня есть оружие, я знаю тайные тропы и надежное место – пожалуйста, следуйте за мной.

– Я знаю о вторжении. Меня предупредили слуги. Как раз сейчас я молился Мудрому Господину, Ахурамазде, чтобы эта напасть прошла стороной, и мои люди не пострадали. И он ответил мне, что с ними все будет в порядке, а захватчики будут разбиты.

– Он сам вам ответил?

– Да. Я слышу его голос и его слова вот уже много лет.

– Простите. Я мало знаю о вашей общине. Я сам принадлежу другой вере.

Заратустра повернул голову к окну, в котором заблестели последние яркие лучи заката. Посмотрел вверх, что-то прошептал и вновь поднял палец.

– Что означает этот жест?

– Я не знаю, какую веру ты исповедуешь, и скольким ложным богам молишься. Я поднимаю голову к небу и солнцу, к их творцу – великому, милосердному, вечному Господу. Поднятый палец означает, что Бог – один, и я обращаюсь к нему, вижу его лик, перед красотой которого меркнет даже само солнце. Язычники верят, что богов много. Каждому из них надо приносить свою жертву, чтобы тебе сопутствовал успех. Глупцы. Господь – един. И ему не надо приносить жертв. Разве дети приносят жертвы своим родителям? И Бога не надо просить об удаче в обыденных, мирских делах. Он и так деятельно заботится о каждом, кто идет по праведному пути. Обо всех тех людях, через которых добра в мире становится больше.

– Почему Господь выбрал своим проводником именно вас?

Заратустра удивленно посмотрел на меня. Видимо, немногие простые смертные отважились задать такой вопрос. Но что-то в моем голосе и моем взгляде его заинтересовало.

– Я сам спрашиваю себя об этом каждый день, но ответ узнаю, наверное, уже не в этом мире. До тридцати пяти лет, до почтенного возраста, я был простым человеком, и мне казалось, что я уже все имел и все постиг. Я был скотоводом и торговцем лошадьми, я был богат, у меня было три прекрасных жены и много детей от них. Казалось бы, о чем еще мечтать. Однажды я должен был устроить большой праздник. Рано утром я подошел к реке, чтобы напиться и набрать воды. В этот миг я услышал повелевающий голос, который сказал мне, что отныне я должен нести людям свет и открыть им правду. Потом Господь говорил со мной еще много дней. Вот уже двадцать лет я делаю все, что Он мне повелевает.

– Господь сам следит за всем? У него на небесах нет помощников?

– Конечно, есть. Его правая рука – великий Митра, посредник между Богом и земным миром. Митра – воплощение заботы; он следит за тем, чтобы среди людей царил мир, они не нуждались и не голодали. Его левая рука Аша – женский дух, воплощение добра и праведности, согревает души и помогает людям не поддаваться соблазнам демонов, влекущих их в ад. Есть и много других посланцев Ахурамазды, его творений. Но все они лишь исполняют его всевышнюю волю.

– Пророк, для чего в храме столько огня?

– Из четырех земных стихий огонь – самая главная. Огонь горит внутри самого солнца, благодаря которому в мире существует все живое. Огонь все время очищает сам себя. Огонь, который ты видишь в моем храме, был дарован мне самим Господом. Молния много лет назад попала в сухое дерево на склоне этого холма. Я бережно перенес горящую ветвь сюда, пламя наполнило этот большой священный сосуд, и с тех пор огонь в нем не угасал ни разу. И, я надеюсь, не угаснет никогда. Ведь это означало бы, что Господь лишил людей своей милости.

– Простите, что прерываю. Я слышу топот лошадей и голоса. Великий пророк, нам надо бежать сейчас же.

Первосвященник усмехнулся. Солнце уже почти село, на потолке и стенах храма гуляли неровные тени и блики, то появляясь, то исчезая. Лишь негромкий треск огня нарушал тишину.

– Неужели ты, посланец, думаешь, что твой господин могущественнее Ахурамазды, который сам только что говорил со мной? Да исполнится его воля. Я сделал все, что было в моих силах. Похоже, мой путь близок к концу. А ты уходи, спасайся.

Я хотел возразить, но понял, что это бесполезно. Мне осталось только повиноваться. Я выбрался наружу, укрывшись за деревьями, исчезая во тьме быстро спустившейся беззвездной ночи.

Храм был прекрасно виден, ярко освещенный изнутри. Бактрийские воины в доспехах, с бронзовыми щитами, с дикими лицами вбежали внутрь, что-то громко крича. Затем один из них ударил первосвященника клинком плашмя по голове. Тот молча согнулся, и бактрийцы с криками, стали жестоко избивать его руками и ногами. Когда он потерял сознание, его выволокли наружу и ударом тяжелой деревянной палицы разнесли его голову.

Смеясь, бактрийцы вернулись в храм и долго искали в нем ценности. Не найдя ничего, от досады они разбили малые сосуды с огнем. Но когда настал черед главного сосуда, ни один из воинов так и не решился нанести по нему удар. Быть может, бактрийцы опасались, что пламя перекинется на них самих. Они вновь принялись рыскать по храму, пытаясь расколоть каменные плиты в полу. Затем принялись копать яму перед входом. Так ничего и не найдя, бактрийцы наконец спустились с холма и ускакали восвояси.

В последний раз я подошел к храму. Голова Пророка была обезображена, его лицо было невозможно узнать. Но одежды странным образом, несмотря на лужи крови повсюду, остались белыми и почти незапятнанными. Внутри храма был беспорядок, на полу валялись груды черепков разбитых сосудов вперемешку с комьями земли. Но большой круглый сосуд у главного алтаря остался нетронутым. Огонь в нем ровно потрескивал, как ни в чем не бывало, точно так же, как еще час назад, при жизни первосвященника.

У меня не было чувства, что на моих глазах свершилась трагедия. Напротив, произошедшее показалось мне чем-то возвышенным. Изменившим ход вещей.

Его смерть, кажется, и не могла быть иной. Конец гениального человека, первого в истории, поведавшего людям о рассвете единого Бога. О его огромной, не имеющей границ отеческой любви к ним. А значит – и о неминуемой победе добра над злом в конце времен.

Ведь так говорил Заратустра.

Глава 2

Только этот путь (Дао Лао-Цзы)

Место: Древний Китай, граница империй Восточная Чжоу и Ци (современный центральный Китай)

Время: 557 год до нашей эры

Мне пришлось отдать начальнику пограничной заставы несколько золотых монет. Коррупция в Китае – что две с половиной тысячи лет назад, что сейчас – кажется, неискоренима.

Инь Си, на коне, в легких доспехах и шлеме, выглядел величественно. Это был сильный, уверенный мужчина в расцвете сил. Я просил его закрыть глаза на пересечение мною тщательно охраняемой границы в это беспокойное время. Я был явно не китайцем, что несколько упрощало дело. Да и плата была достойной: всего за пару таких монет можно купить приличный деревенский дом. Так что за эти деньги я хотел еще и кое-что узнать.

Инь Си снова смерил меня взглядом, попробовал монеты на зуб. Конечно, они были настоящими. Наконец, не без традиционного презрения к чужеземцу, Инь изрек:

– Так уж и быть, помогу тебе. Если сможешь объяснить, что и зачем ты ищешь.

Я хотел было ответить, что ищу Истину и ничего больше. Но он вряд ли оценил бы мою иронию. Я спросил его о произошедшем с утра.

– Ладно. Уговор есть уговор. Но запомни хорошенько. Если хоть один человек из Восточной Чжоу узнает о том, что я тебе расскажу, то я найду тебя где угодно, своими руками отрежу тебе язык и поджарю его на ужин.

Мы проследовали с ним в тесное каменное строение размером с сарай. Вокруг во все стороны простирался лес, свежий и благоухающий в этот весенний полдень. Здесь никто не смог бы нас подслушать.

Инь Си принялся рассказывать, как было дело.

На рассвете после дождливой ночи, он, как и каждое утро в последние несколько лет, совершал обход вверенной ему заставы. Редко кто пытался пересечь этот важнейший рубеж. Империя Восточная Чжоу занимала почти весь центр Китая, ее правители – ваны – вот уже пятьсот лет имели неоспоримый мандат неба на управление всем Китаем. Но в последние сто лет железная рука правителей Чжоу ощутимо ослабла, и от нее стали откалываться приграничные территории. Формально они признавали императора Чжоу своим сюзереном, платили ему дань, делали вид, что выполняют его приказы, но на самом деле с каждым годом становились все самостоятельнее. Самым опасным из таких новых государств была империя Ци.

Ци была невелика по территории, зато имела выход к океану, порты для торговли, и в этой стране процветали наука и искусство. Там были лучшие во всем Китае ремесленные мастерские, приносившие большой доход. Правители Ци уже почти перестали притворяться, что подчиняются Чжоу. Отношения накалились, и не случайно великий ван назначил главой пограничной заставы одного из самых преданных лично ему военных – Инь Си. Пересекать границу было запрещено всем, кроме лично знакомых Инь Си крупных торговцев и послов, имевших разрешение императора. Но я не являлся подданным Чжоу, я даже не был китайцем, поэтому на меня этот запрет распространяться не мог.

Во время утреннего обхода военачальник заметил приземистого старика, который шел через границу так спокойно, словно ее и вовсе не было. Это было неслыханной дерзостью, и Инь Си уже занес над головой большой хлыст, чтобы с силой, – возможно, до смерти, – отхлестать им странного бродягу, явно выжившего из ума. Но как только тот с озорной улыбкой поднял голову, они со слезами радости бросились друг другу в объятия.

Инь Си отлично знал этого человека еще с тех пор, как был юнцом. Звали его Лао-Цзы. На китайском, в зависимости от контекста, это имя означало «старый мудрец» либо «старый ребенок». Станным образом оба эти значения отлично подходили ему. Седые волосы и фигура пожилого мужчины сочетались в нем с почти детским задором, невероятной скоростью мысли и огромной любознательностью. Лао-Цзы умел читать, видимо, с рождения, и всю жизнь читал все, что ему попадалось. Он происходил из знатной семьи, и правитель назначил его смотрителем своей личной библиотеки, в которой хранились горы пергаментов, накопленные за века. Говорят, что этот книголюб мог читать месяцами напролет, все это время не выходя из архива. Там же Инь Си с ним и познакомился.

Позже библиотекарь оказал ему большую услугу. Семилетний племянник жены Инь Си, живший у важного богатого чиновника, скоропостижно умершего, по древним традициям должен был быть заживо погребен вместе с покровителем, так же, как жена чиновника, его наложницы и прислуга. Женщина горько оплакивала еще живого мальчугана, и Инь Си в отчаянии попросил у мудреца помощи. Тот во время аудиенции показал правителю древний манускрипт, который запрещал предавать живых детей погребению, а затем упрямил пощадить ребенка. С того момента Инь Си стал не только другом уважаемого архивариуса, но и отчасти его последователем.

Встретив Лао-Цзы этим утром (по счастливой случайности солдат рядом не было), он, конечно, не стал его задерживать. Инь Си с удивлением узнал, что тот попросил у правителя отставки со своей почетной должности. Он решил, что сделал все, что мог, для просвещения жителей Чжоу, и собирался полностью изменить свою жизнь, навсегда уйдя в Ци. Инь Си был крайне этим опечален. Он спросил Лао-Цзы, не оставил ли тот письменный трактат о своих идеях, превратившихся в очень популярное в среде образованных людей Чжоу учение. Мудрец ответил, что всю жизнь только размышлял, но так и не написал ни строчки.

Инь Си был не просто этим расстроен, он был в ярости. Он встал перед учителем во весь рост, стал трясти его за плечи (что, конечно, было совершенно неподобающим), сказал, что пока он жив, он не выпустит Лао-Цзы из страны. Тогда Лао-Цзы со своей привычной рассеянной улыбкой попросил принести несколько больших кусков пергамента и перо с чернилами. Несколько часов подряд он без отдыха диктовал Инь Си трактат «Книга пути (Дао) и достоинства». Закончив последнюю фразу, старик еще раз тепло и крепко обнял друга, а после встал и незамедлительно продолжил путь.

Они расстались всего пару часов назад. Опечаленный военачальник зашел домой и рассказал о случившемся жене. Та не могла ему поверить, а затем показала великолепный шейный платок из тончайшего шелка, вышитый ее руками золотой нитью, уберегающей от зноя. Она собиралась вскоре провести родителей в столице и заодно зайти в библиотеку, чтобы подарить его Лао-Цзы.

Я сказал, что почти наверняка нагоню Лао-Цзы еще до заката и с удовольствием передам ему подарок. Инь Си поблагодарил, вручив мне платок (и в самом деле, дивной красоты), за которым сбегал к нему домой его подручный. Страж границы подробно объяснил, каким путем мне следует добираться в новую столицу империи Ци, куда держал путь мудрец. Она находилась не очень далеко – на расстоянии одного дневного пешего перехода от заставы.

После полудня солнце палило нещадно, но с листьев все еще капала скопившаяся за ночь вода, поэтому идти по тропе в густом цветущем лесу было приятно. Такого звонкого, разногласного гомона птиц мне, возможно, в жизни не приходилось слышать. Где-то в подлеске шуршали антилопы, наверное, там же рыскали тигры, и бог весть какие еще хищники, не истребленные человеком в ту давнюю эпоху.

Я едва не разминулся с ним. Пройдя часа три быстрым шагом, почти бегом, я уже практически проскочил мимо развилки, где в тени, у реки, вдали от тропы, решил присесть отдохнуть старый философ. Меня выручил лишь мой тонкий слух. По пути я постоянно прислуши-

вался, не шуршат ли в кустах, переступая, лапы изготовившегося к прыжку тигра. Вблизи же этого места я услышал тихие, нежные звуки игры на сяо – тонкой длинной бамбуковой флейте. Казалось, что мелодия вторит легкому ветерку в ветвях деревьев. Некоторое время я просто стоял, наслаждаясь ею, а затем, стараясь ступать как можно тише, подошел к игравшему.

Он сидел ко мне спиной. Я был уверен, что это и есть тот самый мудрец, хотя пока и не видел его лица. Действительно невысокий и хрупкий на вид, он сидел в укромном месте на камне у берега речушки, повернувшись к воде. Когда я подошел вплотную, старик не перестал играть – кажется, не услышал меня. Его крупный лоб выглядел необычно высоким и совершенно облысевшим, но на затылке росли густые волосы, абсолютно седые и длинные, почти до плеч. Звуки флейты стихли внезапно. Человек же остался сидеть, не оборачиваясь.

– Добра вам. Это вы – мастер Лао-Цзы?

Старик продолжал молчать, созерцая течение воды.

– Вы меня слышите? Я ремесленник и иду через много стран с далекого запада. Направляюсь в столицу Ци. Меня просили передать вам ценную вещь.

Я обошел его сбоку, вынул платок и показал ему. Лао-Цзы наконец посмотрел на меня, в его глазах мелькнула улыбка.

– Знаю. Я специально присел передохнуть, чтобы тебе не пришлось бежать за мной до самого вечера.

– Вы знали? Как?

– Знающий не говорит, говорящий не знает.

Неожиданно он протянул мне блестящий речной камушек, еще влажный от воды.

– Ты оказал мне услугу. Я должен заплатить тебе за это, но у меня нет с собой ни единой монеты. Возьми этот камешек на память. В нем запечатлена вся Вселенная. Как и в любой вещи.

Я принял подарок, отдал старику прекрасный платок (о том, откуда он, мудрец даже не спросил), который тот сразу же повязал себе на шею. Я присел на соседний камень. Снова повисла тишина.

– Инь Си по секрету рассказал мне о пергаменте, на котором он сегодня утром записал ваше учение. Я хотел его прочитать, но ваш друг отказался его даже показывать. Сказал, что это теперь главное государственное сокровище. Всю дорогу я шел и горько сожалел, что упустил такую возможность. Солнце еще высоко, а идти уже остается немного. Вы не могли бы рассказать, о чем это учение?

Пожилой философ снова задорно, но не без тени сомнения взглянул мне в лицо.

– Дело не в том, могу ли я рассказать, а в том, готов ли ты понять. Когда ученик готов, учитель сразу найдется. Для начала объясни, зачем тебе знать учение?

– Я не знаю точно. Я постоянно задаю себе сложные вопросы, и не так уж часто нахожу на них ответы. Порой мне кажется, что я полжизни проблуждал в темноте.

– Да, я вижу это. Ты выглядишь бледным и встревоженным. Тот, кто думает о прошлом – живет в тоске и печали, кто думает о будущем – в тревоге. Лишь тот, чей разум находится здесь и сейчас, в реальности истинной (в отличие от других реальностей, на самом деле не существующих), чувствует радость.

Мудрец взял пригоршню мелких камешков, бросил их в воду.

– Все беды человека – от того, что он сошел со своего пути. Каждый человек и каждая вещь в мире имеет свой путь. Счастлив и спокоен только тот, кто идет по дороге, предназначенной ему одному. Делает в жизни то, ради чего родился. Но большинство людей, к сожалению, сворачивают со своего пути. Кто-то или что-то их заставило. Хотя почти все могли отказаться и идти себе дальше, но им не хватило духа. Кому-то захотелось больше денег, кому-то славы, но чаще всего на людей слишком влияют чужие мнения, которые для них почему-то становятся важнее собственного. Не надо копаться в прошлом. Не надо чрезмерно забо-

тяться о будущем. Видишь речку? Как тихо и спокойно струится ее вода. Как затейливо на ней играют лучи солнца. Она находится в полной гармонии с собой. А что же мешает тебе? Заметь, Природа никогда не спешит, но при этом никогда никуда не опаздывает. Будь как она. Все вещи в мире случаются тогда, когда им предписано случиться. Попробуй помешать этому дивному порядку, естественному ходу всех вещей – и ты обречешь себя на вечные беды. Просто примешь мир, каким он создан – и твой дух воспарит от счастья. Довольствующийся собой – богаче прочих, ибо его богатство некому украсть.

– Просто так сидеть, ничего не делать и ни о чем не думать? В этом весь секрет?

– Это состояние называется У-вэй. Созерцательная пассивность. Не стремись изменить то, что ты не в силах изменить. Просто следуй своему пути.

– А в чем смысл окружающего мира? И откуда он вообще возник?

Лао-Цзы поднял голову, словно вглядываясь в облака.

– Путь Вселенной нельзя описать никакими человеческими словами. Попытаться сделать это значит наплодить новое незнание и заблуждения. Присвой любой вещи имя, и она тут же изменится навсегда, потеряет свою первоначальную сущность. Но человек слишком любопытен. Поэтому я все же отвечу на твой вопрос.

В основе Вселенной лежит Дао. Дао – порождение двух противоположных начал: Инь и Ян. Свет и мрак, холод и огонь, вода и твердь, мужчина и женщина. Когда Инь и Ян прикоснулись друг к другу, возникло Нечто. Затем в него вселился дух, позитивная энергия Дэ. Она оживила Нечто, превратив его в Дао; это привело в действие космические силы, дало начало постоянному движению. Сначала появилась одна вещь, потом две, затем их стало три. А из трех вещей, которых достаточно для бесконечного разнообразия свойств, возникла и вся безграничная Вселенная.

Дао не имеет формы, но определяет форму всего. Дао ничего не делает, но нет того, что оно не может сделать. Дао – как вода: оно есть гибкость и слабость, легко побеждающие любую силу. Дао так велико, что его нельзя увидеть, и в то же время настолько мало, что его нельзя увидеть. Дао создает вещи, но не владеет ими – оставляет их свободными. Кажется, что Дао пребывает в недеянии, но его деяния деятельнее всех прочих. Дао никогда ни с кем не ссорится и ни с чем не воюет, поэтому его нельзя победить. Оно не говорит словами, но лишь оно делает все логичным и понятным. Следовать Дао – значит быть частью гармонии Вселенной. Тот, кто противится Дао, обречен на исчезновение.

– И все же откуда оно взялось? Ведь должен был быть миг, когда его не существовало?

– Этот вопрос задавать бессмысленно. До самого конца времен не родится мудрец, который сможет познать, откуда появилось Дао и что наполнило его духом Дэ. Вполне возможно, оно существовало всегда, ведь даже само время – суть его порождение. То есть до него времени просто не было. Кстати, мы с тобой – тоже проявление Дао. Его сила наполняет чудесными способностями и нас.

– Мудрец, дай мне немного времени, чтобы осмыслить твои слова.

Тон голоса Лао-Цзы казался тихим и вкрадчивым. Старик словно не говорил, скорее, его слова лились так плавно, что они и мягкий плеск воды как будто превращались в одно.

Я удивился, откуда в этом древнем учении так много современных понятий – просто мы представляем их себе и называем по-другому. Дао, обретшее энергию Дэ – то, из чего возникла Вселенная. Конечно, мы до сих пор не знаем, что именно в начале времен взорвало бесконечно малую точку материи в момент Большого Взрыва. Как верно говорит старик, мы тем более не знаем, из какого источника это точка приобрела энергию, которая, допустим, называется «Дэ». Инь и Ян похожи на положительный и отрицательный заряд частиц, из которых состоит Вселенная. Протоны и электроны, первооснова материи. В то же время, если Дао, как он говорит, заранее четко запрограммировано, это может идти вразрез с неопределенностями квантового

мира. Хотя по большому счету это не аргумент. Мы ведь до сих пор слабо представляем себе, как устроен этот самый квантовый мир.

Тем временем мудрец прикрыл глаза, чтобы в них не светило солнце. Я встревожился, что он заснет, а мне хотелось продолжать его слушать.

– Почему вы разрешили этим утром записать учение?

– Потому что оно не принадлежит мне. Чаша, наполненная водой, не может в себя ничего принять. Только отдавший что-то владеет этим. Передав учение людям, я стал действительно свободным.

– И вы полагаете, что знаете все об окружающем мире?

– Отнюдь. Знать, как ничтожно мало ты знаешь – признак величия ума. Не осознавать, как ничтожно мало ты знаешь – болезнь духа. Мудрый человек может не знать многого. А тот, кто знает многое, чаще всего не мудр.

– Мастер Лао-Цзы, почему вы ничего не взяли с собой в дорогу? Все те годы, что вы служили правителю Чжоу, вы получали щедрое жалованье. У вас наверняка осталось в столице немало имущества и денег.

– Если у тебя нет денег, тебе не страшны разбойники на дороге. Кто имеет много, потеряет больше, чем тот, кто имеет мало. Место, где можно поесть или остановиться на ночлег, я найду всегда. А если даже и нет, тогда с удовольствием засну прямо под звездами, а утром утолю голод лесными ягодами. Все, что у меня есть, находится во мне. И я не понимаю, что еще кроме этого человеку может быть нужно.

Мне показалось, что философ посмотрел на солнце, чтобы проверить, не склонилось ли оно уже слишком низко над горизонтом. Мне стало неловко задерживать его расспросами. Но, кажется, мы нашли общий язык. Возможно, ему понравилась моя любознательность. Или он счел интересной мою внешность. Ведь людей с Запада ему вряд ли доводилось встречать.

Учитель положил руку мне на плечо и улыбнулся.

– Ты выглядишь намного лучше, чем в то мгновение, когда я впервые увидел тебя. Спокойнее. Я редко даю советы. Жизнь сама учит человека лучше любого наставника. Но все же скажу. Ты явно пытаешься стать тем, кем не можешь быть. Трепетной антилопе не стать тигром, и наоборот. Делай только то, что хочешь ты, а не то, что тебе говорят. И помни, что ты не должен творить зло, вмешиваясь в чужое дао, нарушая счастье других людей. Просто вернись к своему началу, к истоку.

– Прямо сейчас закрой глаза. Я обычно проделываю это недолго, но каждый день. Делай это тоже, когда будешь оказываться в одиночестве. Дыши спокойно, медленно. Сделай две простые вещи. Отбрось все дурные, вредные или суетные мысли. Ведь именно из-за них мы совершаем в жизни ошибки; подгоняемые ими, мы постоянно вредим сами себе. Затем обрати взор внутрь себя. Почувствуй себя песчинкой необъятного мира: она слаба, но без нее Вселенная все равно была бы неполна. А дальше, когда ты научишься хорошо делать эти два необходимых шага, в твою голову потекут новые, прекрасные мысли. Это и будет третьим шагом. Чтобы стать тем, кем ты хочешь быть, прежде всего надо обрести свободу от того, чем ты являешься сейчас. Расслабься.

Кажется, я просидел так недолго, пару минут, или даже меньше. Но за мгновения у меня перед глазами пронесся целый мир. Я видел над собой вращающуюся хрустальную сферу, из которой лился мягкий свет, слышалась музыка, ощущались приятные ароматы. Это был словно яркий красивый сон, пронесшийся вихрем, как один миг. Я открыл глаза, и хотел спросить, что это было.

Но рядом со мной уже никого не было. Я был совершенно уверен, что он не мог уйти так, чтобы я не заметил или не услышал. Я резко встал на ноги, окликнул его, всмотрелся вдаль. Никого. Только тишина и тихие шорохи весеннего предвечернего леса.

Я осознал, что мне надо срочно, прямо сейчас, написать о встрече с Лао-Цзы. Поделиться основами его учения со всем миром, не расплескав по дороге ни капли.

Ведь это было гораздо больше, чем просто мое задание, работа, профессия или ремесло. Это было мое личное Дао.

Глава 3

Наслаждение порядком (Конфуций)

Место: Древний Китай, город Цюйфу, столица царства Лу (современный восточный Китай)

Время: 506 год до нашей эры

Это было трудное, жестокое, кровавое время.

Великая многовековая империя Чжоу окончательно распалась, и на ее обломках возникло более сотни независимых китайских государств – от крохотных до достаточно крупных.

Войны этих государств (а иногда и просто городов) друг с другом шли почти безостановочно. И даже те страны, чьи правители предпочитали мир, жили в постоянном страхе перед соседями. В те годы немногие мужчины в Китае доживали до преклонного возраста. Большинство погибали в боях, а многие из уцелевших умирали от голода: уберечь свой урожай от разбойников было почти невозможно. Понятий о милосердии у воюющих сторон не было. Женщин и младенцев сжигали, иных закапывали живыми. Разрубить человека на части значило дать ему умереть быстрой, легкой смертью. Старинные пергаменты сохранялись лишь в нескольких крупных библиотеках, остальные в хаосе тех десятилетий были сожжены или просто утеряны. Великая история и традиции древнего Китая теперь оказались почти повсеместно преданы забвению.

Впрочем, были и такие государства, где жизнь (благодаря здравому смыслу их правителей) текла спокойнее, чем в других. Одним из таких мест было царство Лу, где правили князья из рода Цзи, родственники бывших императоров Чжоу. Царство Лу находилось на востоке, на берегу Желтого моря, между государствами Ци и Вэй. Ее столица Цюйфу была не таким уж большим городом, но она возвышалась на величественном холме, откуда открывался великолепный вид, и была окружена мощнейшими каменными стенами. Отовсюду Цюйфу казалась неприступной крепостью.

Ночью эти стены выглядели особенно зловеще. В этот раз мне пришлось освоить новое для себя ремесло: я стал колесничим. Мне надо было подвезти одного человека. Еще вчера этот человек был ученым и чиновником, уважаемым всеми. Но теперь, в самом расцвете своей жизни, он, словно вор или загнанный зверь, тайком, один, был вынужден бежать из царства Лу, презираемый и, кажется, никому больше не нужный. В те времена судьба любого человека могла перевернуться в один миг.

Ночью шел сильный дождь, и единственная принадлежавшая ему телега, угодив в канаву с водой прямо у порога его дома, из-за сломанной оси пришла в негодность. Я правил колесницей с двумя сильными, хорошо обученными лошадьми, и, узнав о его беде, ринулся ему на помощь. Но сделал все так, чтобы происшедшее показалось философу случайностью.

Когда я увидел его вблизи (пусть даже в бледном мерцающем свете луны), он произвел на меня сильное впечатление. Это был очень видный человек, высокого роста, широкоплечий, с длинными густыми и еще почти не седыми волосами, заплетенными на старомодный китайский манер. В этот миг он бессильно стоял у своей разбитой телеги в глубокой грязи. В его фигуре и позе было что-то величественное и трагичное одновременно. Рядом хлопотала, плакала и что-то нервно выкрикивала его миниатюрная, просто одетая жена, внешность которой, напротив, была ничем не примечательна. Приблизившись, я предложил ему свои услуги. Человек, оглянувшись (его лицо было строгим, с правильными чертами), сначала отнесся ко мне с явным недоверием. Но его положение, очевидно, было отчаянным, и другого выхода у него не было. Тем более, что я запросил за свои услуги умеренно, несмотря на то, что путь предстоял очень длинный. Человек собирался в соседнее царство Вэй, до границы которой было не менее

двух дней езды. Вопреки явно высокому социальному статусу и врожденному благородству, он, кажется, был небогат. Я согласился принять плату не золотом, а несколькими горстями странных на вид железных фигурок разной формы, которые здесь ходили как деньги. Вещей у путника было немного: кое-какая одежда и скромная деревянная коробка с пергаменами, очевидно, написанными им самим.

Я помог ему переложить вещи в мою колесницу. Жена с новым приступом плача бросилась к нему на шею, но он довольно грубо оттолкнул ее. Строго и без всякой приязни приказал ей не поднимать шум, чтобы не разбудить соседей, и возвращаться домой. Добавил всего пару слов о сыне (видимо, тот был ребенком, и в это время спал дома), наказав ей воспитать его достойным человеком. Когда он сел в мою колесницу и приказал трогаться, то даже не обернулся, чтобы бросить взгляд на то, что, очевидно, много лет было его родным домом, и где он, возможно, навсегда оставил свою семью.

Первое время стук копыт и грохот жестких деревянных колес по ухабам пустынной земляной дороги, ведущей к городским воротам (каждая встряска древней колесницы отзывалась крайне болезненно в спине и ягодицах) было единственным, что нарушало тишину ночи. Несмотря на то, что я был его спасителем, я спиной ощущал, что человек не горел желанием общаться со мной. Лишь перед самыми воротами он попросил накрыть его сверху вещами, чтобы охранники не узнали его. Я сказал им, что везу заболевшего родственника к знахарям в его родную деревню и затем щедро отсыпал им железных фигурок, чтобы нас выпустили без долгих расспросов.

Еще через пару часов езды дорогу осветили первые лучи рассвета. Мы проезжали мимо деревень, в основном пустых и разоренных. Тут и там виднелись брошенные и покосившиеся небольшие деревянные дома, поля заросли бурьяном. Там, где еще недавно жили тысячи крестьян, теперь было сплошное вымершее пространство.

Мой пассажир какое-то время спал, а проснувшись, видимо, пришел в лучшее расположение духа. Я предложил ему ненадолго остановиться, чтобы перекусить сухими рисовыми лепешками, которые у меня были с собой. Мой новый знакомый ответил, что нам нельзя терять времени, но затем голод взял свое, и он согласился. Завтракал он с видимым удовольствием. Чтобы как-то разговорить спутника, я спросил, что он чувствует, когда обстоятельства заставляют его бросить дом, семью, расстаться навсегда со всей прежней жизнью. Но он даже в такой ситуации не собирался терять лицо перед простым возницей и жаловаться на судьбу. Ответил коротко:

– Не стоит бояться перемен. Чаще всего они случаются именно тогда, когда необходимы.

Задумался ненадолго, и затем добавил:

– Если ты ненавидишь, значит, тебя победили. То, что ты можешь воспринимать спокойно, больше не управляет тобой. Надо прощать людей, даже если они обошлись с тобой несправедливо.

Благородного чиновника звали Кун-Цзы (некоторые из большого почтения называли его более официально – Кун-Фу-Цзы, что означало «мудрый учитель Кун»). Он коротко представился мне после того, как переоделся и совершил краткую молитву Всемогущему Небу. Кажется, даже сейчас он считал недопустимым быть одетым неподобающе своему положению и времени суток. Когда мы снова поехали, он опять глубоко погрузился в мысли, не горя желанием делиться ими со мной. Но я все же спросил:

– Вы были в Лу высокопоставленным чиновником? Если да, то из-за чего мы так спешим? Что вам угрожает?

– Не поговорить с человеком, который достоин этого – потерять для себя этого человека. Говорить с человеком, который этого не достоин – впустую потерять свои слова, что еще хуже. Зачем ты докучаешь мне вопросами?

– Потому что, как мне кажется, вы – прирожденный учитель и очень образованы.

– Даже если и так, какой мне смысл обучать того, кто вряд ли поймет хотя бы ничтожную часть сказанного мной?

– Как хотите. Но ответьте хотя бы на один вопрос. Вы знакомы с мастером Лао-Цзы?

Низкий, звучный голос бывшего чиновника был полон искреннего удивления.

– Ты, неграмотный возница, слышал о сем великом мудреце?

– Я много читал. А об этом достойнейшем учителе слышали многие люди во всех частях Поднебесной.

– Верно. Я встречался с ним лично два раза. Первый раз – мельком. Еще совсем юнцом меня, уже хорошего мастера каллиграфии, послали из Лу в библиотеку Чжоу сделать копии старинных пергаментов. Тогда я лишь видел его, но мы не разговаривали. Второй раз случился лет пятнадцать назад. Меня как посланника направили в княжество Ци вручить местному правителю документы. Лао-Цзы перебрался туда на склоне лет. Мы встретились случайно на окраине деревни близ окутанного туманом красивого зеленого холма, где он сидел на большом камне и что-то рассказывал прохожим. Он был уже очень стар и почти слеп. Я представился, хотел поделиться своими идеями. Но он, лишь мельком оглядев меня, посоветовал умерить гордыню и смириться с тем, что я всю жизнь буду скитаться по разным странам, и что при жизни мои идеи так и не будут воплощены. Тогда мне эти слова показались забавными – что вообще этот старик мог знать обо мне? Но как раз сейчас я задумался над тем, что он, возможно, был не так уж и неправ.

– Так что же случилось с вами?

– Всю жизнь, с детства и до вчерашнего дня я старался каждую минуту служить во благо обществу. Ведь это – главное призвание благородного человека. Я родился в знатной семье, но мое детство было тяжелым. Мой отец, признанный воин и герой, был женат трижды, но все его жены рождали только девочек. Не иметь наследника – позор. Отчаявшись, уже в старости он женился на юной безродной наложнице, пусть это и не принято. Она, наконец, подарила ему долгожданного сына – меня. Вскоре отец умер, и мою мать со мной на руках выгнали из дома его старшие жены. Чем мне только не приходилось заниматься с раннего детства, чтобы заработать на кусок хлеба для себя и для нее. Я был пастухом, и благодаря этому научился считать. Смотрителем амбаров с зерном, где мне пришлось научиться писать. Ночами я читал старинные пергаменты, запоминал как можно больше иероглифов. Затем стал жрецом в храме: в мои обязанности входило общение с духами умерших. Родственники умерших требовали, чтобы я делал это для них по многу раз в день. Именно тогда я понял, что, хотя духи сильны и существуют на самом деле, человеку надо держаться от них как можно дальше, чтобы не лишиться собственного рассудка. Наконец меня приметил кто-то из приближенных правителя, и мечта всей моей жизни сбылась. Я стал чиновником и смог начать полноценно служить обществу. Но моя радость длилась недолго. Я стал часто ездить по разным важным поручениям за границу и ужаснулся тому, что творится в соседних царствах. Я понял, что великого Китая, о котором столько прекрасного написано в древних пергаментах, больше не существует. Общество расколото, всюду война и страдания. Каждый человек думает только о себе и своей быстрой и легкой наживе. В современных царях не осталось и крупинцы былой мудрости и благородства. Что же это за правители, если они не пекутся о вверенном им народе, простых людях, так, как должен заботиться о своих детях внимательный и чуткий отец? Ведь счастье или беды любого народа прежде всего зависят от того, как устроено общество, каковы его ценности и как организовано государственное управление. Я потратил годы жизни и размышлений, но в итоге продумал абсолютно все, вплоть до мелочей. Затем я решился поделиться своими идеями с правителем. К счастью, он оказался мудр, воспринял мои предложения с интересом и даже пообещал утвердить некоторые из них как непреложные законы. Но почти ничего так и не было принято. Зато против меня оказались настроены главы трех самых влиятельных в царстве семей, так как мои идеи, став законами, могли лишить их немалой части доходов. Моя

репутация в глазах правителя была настолько чиста, что просить мой отставки они не могли, но они явно искали способ от меня избавиться. Ко мне подсылали в ночи убийц, но мои молодые ученики, которых у меня набралось к тому времени две сотни, были настороже. Главный военачальник, чтобы скомпрометировать меня, предложил мне сместить правителя и занять его место, но я гневно отказался. И все же трагедия случилась. Из одного из дружественных соседних царств правителю прислали дорогой подарок: шестьдесят прекрасных юных наложниц. Он развлекался с ними три дня напролет, еще и пьянствуя при этом. Опоздал на заседание Совета, а когда появился, то был нетрезв и одет в мятую домашнюю одежду. Все сделали вид, что ничего не произошло, но я, преисполненный праведным гневом, тихо и вежливо, шепотом, сказал ему, что государю не к лицу такое поведение. Мне казалось, что он устыдится. Как я ошибался. Он, всегда относившийся ко мне с уважением, швырнул в меня глиняную чашку. Сказал, что я, ничтожный пес, не имею права говорить ему такие вещи. Стража хотела обезглавить меня, но он дал им знак отступить, пообещав, что через день соберет Совет, который определит форму моего наказания. Зная, как много в нем моих недоброжелателей, я не стал испытывать судьбу и решил бежать этой ночью.

– А как же ваши ученики? Они знают, что произошло?

– Я специально не стал никого из них впутывать в это дело. К тому же, их слишком мало, чтобы они могли послужить мне защитой. А даже если бы их было много, я бы никогда не затеял бунт с их участием. Я скорее умру, чем принесу своей стране боль, вражду и несчастья.

– Что вы теперь собираетесь делать?

– Я пару раз бывал при дворе царства Вэй. Им управляет овдовевшая молодая правительница. Я общался с ней, и она тогда живо заинтересовалась моим учением. Сказала, что ее окружение то и дело плетет против нее интриги, и ей жаль, что у нее нет такого мудрого и преданного советника, как я. Она также воспитывает сына, будущего князя Вэй, но не может найти ему достойного ученого наставника, просила моих рекомендаций. Я решил попытаться у нее.

Солнце взошло уже достаточно высоко. Мне было радостно от того, что Кун-Цзы все же счел меня достойным слушателем. Время от времени бывший чиновник с тревогой оглядывался назад. Наверняка о его бегстве успели доложить правителю, тот мог разгневаться и отправить своих людей в погоню. Но позади нас была тишина.

– В чем суть вашего учения? Что может сделать страну и ее людей счастливыми и богатыми? И если весь Китай почитает мудреца Лао-Цзы, как соотносится ваше учение и его?

– Я, как и все, чту труды Лао-Цзы. Но сам исследую совершенно другие вопросы. Да, я верю во всесильное Небо, которое, почти как его Дао, управляет всем на земле. Но меня это не интересует. Зачем изучать путь Дао, если мы не можем его никак изменить? Признаться, если бы кто-нибудь пообещал мне за одну мелкую монету рассказать в точности, кто, как и зачем сотворил этот мир и чем все когда-нибудь закончится, и даже что станет с нами после смерти, я бы отказался от такого знания. Для какой практической надобности оно может пригодиться? И для чего вообще нам что-то знать о смерти, если до сих пор мы почти ничего не знаем о жизни? Размышления о Вселенной пусты. Правильно думать только о человеке. Как помочь ему сделать его жизнь долгой, счастливой, достойной? Как построить из эгоистичных личностей общество людей, которые желают друг другу добра, радуют только о мире и взаимопомощи? Вот единственная истинно важная тема.

– Но как вы сами пришли к учению о всеобщем благе? Разве ваше изгнание не свидетельствует о том, что благородных и достойных в жизни ничтожно мало? Вы не сдадитесь?

– Три пути ведут к знанию: путь размышления, и этот путь самый благородный; путь подражания – самый легкий, и путь опыта – самый горький. Однако, увы, самый верный – именно последний. Не тот велик, кто не падал, а тот, кто падал и вставал. Драгоценный камень нельзя отшлифовать без трения. Так и настоящего успеха в большом деле нельзя добиться

без множества трудных и неудачных попыток. Я буду делиться учением с людьми где угодно, покуда я жив, до последнего вздоха.

– Но разве может быть идеальным целое общество и тем более государство? Ведь любое сообщество людей всегда приходит к противоборству разных сил внутри него. И всякий раз неизвестно, зло или добро в конечном итоге окажется сильнее.

– Правильное общество подобно крепкой, любящей семье. Обычная семья – это самая маленькая, но при этом важнейшая его ячейка. Секрет хорошей семьи – безмерная, искренняя преданность и послушание детей своим родителям. Если ночью в дом налетели комары, дети должны намазать на себя что-то сладкое, чтобы все укусы комаров достались им, а сон их родителей не был потревожен. Для детей слово отца – даже более непреложный закон, чем законы государства. Следующая, более крупная ячейка – это род, все родственники. Род должен жить дружно, родичи обязаны помогать друг другу, а юноши обязаны вырасти крепкими воинами для своей страны и государя. Чиновники – следующий уровень общества. Хорошие чиновники умны, образованы и абсолютно бескорыстны. В идеальном государстве они вообще не должны получать жалование (кроме еды, одежды и самого необходимого), ведь они и так удостоены высшего блага, о котором можно мечтать: участие в управлении страной и возможность принести ей много пользы. Нечестных чиновников, нечистых на руку, следует прилюдно казнить. Наконец, надо всеми стоит добрый, благодетельный государь, отец всем людям, посредник между великим Небом и народом. Если он правит справедливо и с заботой о людях, то он будет прославлен в веках, а его династия будет продолжаться до скончания времен.

Кун-Цзы сделал паузу и задумчиво погладил свою пышную бороду.

– Жаль конечно, что я сам не рожден правителем. Я был бы лучшим императором, которого только знал мир. Это надо признать со всей очевидностью.

– А как заставить общество жить честно, по законам? Ведь низких людей не меньше, чем благородных.

– Для этого есть Пять основ, они же добродетели и постоянства, которые в обществе следует признать главными ценностями, и на уровне законов всегда им следовать. Первое – «Жень», или человеколюбие. Принимая любое, даже самое незначительное решение, надо спрашивать себя: а поможет ли это окружающим, не навредит ли им? Быть добрым – не трудно, это вполне в природе человека. Попробуйте думать с добром обо всем хотя бы несколько дней, и вы ощутите, что у вас больше рука не поднимется сотворить нечто дурное. Вторая основа – это «И», долг. Перед родителями, родственниками, страной, императором. Третья основа – «Ли», ритуал. Наши древние учителя неукоснительно следовали правилам. Во-первых, они делают твою собственную жизнь упорядоченной и приятной. Во-вторых, бесспорно, идут на пользу обществу. Забудьте о ритуалах, о приличиях, – и вы из человека превратитесь в животное. Грубое нарушение ритуалов я не смог простить даже своему правителю, за что и заплатил всем, что имел; но, повторись все снова, я еще раз сделал бы ему то же замечание. Наконец, четвертая и пятая основы – это знание и честность. Всякий благородный муж должен всю жизнь учиться, ибо знания бесконечны, а также никогда не лгать, даже под угрозой смерти.

– А что следует делать со злом? Правильно ли отвечать на него добром?

– Добром надо отвечать на добро. А на зло необходимо отвечать справедливостью. При этом к самому себе всегда следует подходить строже, чем к другим. Только таков путь к самосовершенствованию.

– Учитель, не слишком ли вы много требуете от людей? По силам ли им быть благородными?

– Благородству надо учиться всю жизнь. В этом нет ничего недостижимого. Неважно, быстро или медленно ты идешь. Ты все равно придешь к своей цели, если только не остановишься.

– Но разве ваше учение не приносит вам одни только несчастья и разочарования?

– Счастье – это когда тебя понимают. Большое счастье – когда тебя любят. Но истинное счастье – это когда любишь кого-то ты сам. Я люблю людей, и готов пострадать ради их блага. Я вижу, что многим простым, особенно неграмотным, людям мои речи кажутся сложными, и они часто внимают мне с недоверием. Но я не огорчаюсь, если люди меня не понимают. Гораздо хуже, когда я не понимаю людей.

– Учитель, а что если я тоже в душе добрый человек и стараюсь работать над собой, но у меня не всегда хватает сил и времени на добрые дела? Мне кажется, что для них еще будет время.

– Три вещи никогда не возвращаются: упущенное время, необдуманное слово и потерянная возможность. Побороть любую дурную привычку (в данном случае – эгоизм и лень) можно только сегодня, а не завтра. Когда мы доберемся до границы, там будет что-то вроде ночлежки для слабых и старых людей. Не теряй возможности, зайди туда хотя бы на час. Набери им воды, наруби дров. Для добрых дел нужны не деньги, достаточно и добрых намерений.

– Учитель, я часто хочу многое изменить в моей жизни. Но дальше мыслей дело не заходит.

– Ты просишь совета? Что ж, это хорошо характеризует тебя. Обычно люди советы принимают каплями, а раздают ведрами. Дело в том, что ты боишься серьезных перемен. Но если хаос настойчиво стучится в твой дом, открой ему. Он-то и расставит все по нужным местам. Когда кажется, что цель недостижима, изменяй не цель, а план, как ее достигнуть.

– А если я ошибаюсь, и перемены пойдут мне во вред?

– Ошибка – это не когда ты ошибаешься, а когда не исправляешься. Что мешает тебе попробовать, а если не получится – извлечь опыт, и попробовать еще раз, уже с новым уровнем знания? Наша жизнь – это путь постоянного совершенствования.

Я и учитель Кун вздрогнули почти одновременно. Позади, пока еще на большом расстоянии, но совершенно явственно слышался мощный топот лошадиных копыт. Преследователи. Вероятно, правитель послал их, чтобы его советник не ускользнул и понес суровое наказание за свою вчерашнюю неслыханную дерзость. Перечень долгих, страшных и мучительных казней в древнем Китае был необъятным. Я обернулся к нему. Высокий, величавый еще минуту назад человек вжался в деревянное сидение, сгорбившись и втянув плечи, в его глазах светился страх, граничащий с отчаянием.

Я изо всех сил подхлестнул лошадей, но состязание в скорости с наездниками было неравным. Спустя недолгое время они были уже за нашими спинами. Я боялся, что они начнут стрелять в нас из луков. Впереди, прямо посреди дороги, как назло, виднелась глубокая прогалина, наполненная водой и грязью, преодолеть которую на скорости, не разбив колесницу, было невозможно. Мне пришлось резко осадить лошадей. Я оглянулся. Преследователей было трое; они казались молодыми, почти юными, и были одеты не по-военному.

Кун-Цзы закрыл глаза – возможно, читая короткую молитву Небу. Затем резко оглянулся. Тут же вскочил на ноги, вне себя от радости.

– Цзэн-Цзы! Ю Жо! Янь Юань!

– Учитель, как вы могли покинуть нас, не взяв с собой? Как мы можем жить, не следуя вашему учению?

– Я не хотел навлечь на вас беду!

– Мы узнали о вашем отъезде на рассвете и сразу же, бросив все, поспешили за вами!

Молодые ученики клялись учителю в верности и обещали следовать за ним куда угодно. Я понял, что моя дальнейшая помощь Кун-Цзы уже не требуется. Перед тем, как уйти, я задал ему еще один, последний вопрос.

– Вы могли бы сформулировать главную идею вашего учения в одной фразе?

Он обернулся ко мне с улыбкой.

– Разумеется. Не делай другому того, чего не желаешь себе.

Это было известное во все века так называемое «золотое правило нравственности». Задолго до христианских мыслителей, впервые в истории, его сформулировал этот китайский мудрец две с половиной тысячи лет назад.

Я долго стоял на грязной проселочной колее, глядя им вослед. Я знал, что в государстве Вэй дела у Кун-Цзы вновь не сложатся, он сменит еще несколько покровителей, история повторится и с ними. В старости ему придется вернуться домой, в княжество Лу, которое он сейчас так спешно покидал, и встретить там смерть: по-прежнему в бедности, и по-прежнему в кругу верных учеников. На закате жизни Кун-Цзы напишет несколько книг, которые не оценят современники – и они сохранятся в библиотеках после его смерти лишь по счастливой случайности.

Эти книги миллиарды китайцев всех последующих эпох будут знать наизусть.

Глава 4

Ничего снаружи, все в тебе (Будда Шакьямуни)

Место: Древняя Индия, Бенарес (современная северо-восточная Индия, город Варанаси)

Время: 522 год до нашей эры

Индия. Такое разнообразие красок, вкусов, запахов, архитектуры вряд ли можно еще где-либо увидеть. Я отметил про себя, что за две с половиной тысячи лет эта страна почти не изменилась.

Я стоял на берегу Ганга, в Варанаси, который уже тогда был священным городом индуизма. Вокруг было настоящее столпотворение. Погонщики слонов громкими криками разгоняли прохожих на своем пути. Берега великой реки были застроены длинными каменными трех- и даже пятиэтажными зданиями, которые для столь древних времен казались настоящим чудом. Передо мной был практически людской муравейник. Яркая одежда, сильный запах пряностей в воздухе, миниатюрные смуглые девушки с гибким станом, множество торговцев едой и самыми разными товарами. Оказавшись здесь, я просто стоял, завороженный открывшимися видами. Нет, древность не была скучной, отсталой, убогой. Напротив – колорит, краски, эмоции, архитектура вокруг поражали воображение.

Варанаси и тогда, и сейчас был главным местом религиозного поклонения на берегах Ганга. Здесь построены десятки величественных храмов, посвященных в основном Шиве. На каменных лестницах, ведущих от храмов к реке, лежали десятки тяжелобольных и умирающих людей. Они с нетерпением ждали смерти, кремации, чтобы их прах был развеян над великой рекой. Мимо жалких неприкасаемых, почти голых, сидящих спиной к спине человек по десять в смердящей грязи отхожих придорожных канав, следовали грандиозные экипажи с величественными брахманами, чьи одежды из тонких цветных тканей были украшены искусной вышивкой и драгоценными камнями и источали ароматы мускуса и дорогих специй. Отовсюду доносилась резковатая, нестройная музыка. Возницы то и дело с криками разгоняли хлыстами незнатных прохожих, невовремя замешкавшихся на их пути.

Вдоль реки стояли длинные деревянные обозы, на которых с почетом, цветами и неспешными проникновенными молитвами сжигали трупы умерших. Вода Ганга в центре Варанаси казалась черной от высыпаемого в нее праха людей. От реки тянуло запахом нечистот, но множество людей, в основном женщин, наклонялись, чтобы набрать воды для домашних нужд в большие кувшины. Некоторые пили прямо из реки, зачерпывая мутную и грязную воду ладонями.

Я шел дальше вдоль берега, наблюдая один погребальный костер за другим. Внезапно окружающий шум, к которому мой слух уже начал привыкать, пронзил громкий и отчаянный детский крик. Я невольно оглянулся в сторону кричавшего. Открывшаяся картина столь сильно поразила меня, что я вряд ли смогу ее забыть. Двое высоких, в ярких одеяниях и высоких головных уборах мужчин не торопясь, обстоятельно привязывали юную, смуглую, с тонкой талией девушку к обозу для погребального костра, где уже лежал труп полного пожилого мужчины с окладистой бородой. Очевидно, это был обряд сати, когда живую жену, согласно древнеиндийским обычаям, сжигали вместе с умершим супругом, чтобы она могла сопровождать и улаживать его также и в мире мертвых. Я бросился помочь ей, но двое крепко сложенных индийцев оттолкнули меня с такой силой, что я упал на землю. Встав, я снова попытался вмешаться, но получил еще один сильный удар в спину. Тем временем брахман, прочтя молитву, факелом поджег связки соломы, на которых сидела девочка. Почти сразу весь обоз объяло

пламя, а жуткие предсмертные крики несчастного ребенка вскоре стихли в громком треске большого огня.

С трудом взяв себя в руки, я быстро зашагал прочь от этого места и от грязного, смердящего берега реки.

Я окликнул колесничего, попросив его довезти меня в Оленью рощу. Она находилась за пределами Варанаси, километрах в десяти к северу. Здесь был густой лес, принадлежащий местному радже. В этом живописном природном уголке водились антилопы и олени, на которых раджа иногда охотился вместе со своими высокородными гостями. Посторонним в рощу входить не воспрещалось, однако людей там было немного: все знали, что местная трава буквально кишит смертоносными королевскими кобрами. А тех смельчаков, которых не пугала встреча с коброй, отталкивала возможность встретить одного из суровых аскетов, которые часто находили приют в этой роще. Их облик был настолько неприятным, что желающих повстречаться с таким отшельником было немного.

Но как раз эти люди, чрезвычайно странные во всех отношениях, мне сейчас и были нужны.

Издали аскеты казались похожими на неподвижные растения. Их было пятеро. У каждого – длинные, лоснящиеся жиром волосы и жутковатые, годами нестриженные ногти на руках и ногах. У некоторых волосы были длиннее метра и закручивались в причудливые космы. Аскеты сидели под деревьями одной тесной группой, неподвижно, в позе лотоса. Казалось, что они не меняли позу по многу дней подряд, а может, и по многу недель. Питание этих людей часто состояло из одного-единственного зернышка риса в день. Но порой, стремясь к некоторому разнообразию, они охотно ели траву под своими ногами, закусывая ее лепешками из слежавшегося коровьего навоза.

Старший из аскетов лежал в густой траве под раскидистым баньяном, одетый в древесную кору. Когда я приблизился, он повернул ко мне голову и открыл глаза. Более страшного взгляда я не видел еще никогда. Его глаза – и зрачки, и белки – были абсолютно желтыми. Казалось, на меня взидала сама преисподняя.

Я взял себя в руки и протянул ему небольшую миску с кашей, которую купил на базаре в Варанаси. Отшельник зашипел на меня, оттолкнул миску ногой, и каша разбрызгалась по траве. Один из его спутников что-то выкрикнул и швырнул в меня комком навоза. Я сделал вид, что благодарен мудрым отшельникам за радушный прием и попросил разрешения остаться с ними ненадолго. Объяснил, что у меня нет в Индии ни одного родственника, ни жены, ни детей. Я пришел к ним с нижайшей просьбой не отталкивать меня и помочь в познании мира.

Наконец этот старший из пятерых аскетов по имени Брамачарин жестом дал своим единомышленникам разрешение, ползая на четвереньках, собрать остатки каши в густой высокой траве. Видимо, они давно не вкушали столь изысканной пищи. Глядя на их внешность, можно было подумать, что они давно забыли нормальную человеческую речь. Однако когда Брамачарин наконец заговорил со мной, его речь звучала связно, разумно, образно, и выдавала его изрядный интеллект. Я еще раз поблагодарил его и попросил разрешения помедитировать среди них хотя бы до заката.

Раздетый до набедренной повязки, я занял место под толстыми ветвями баньяна, где солнце палило не так нещадно. Скоро мне захотелось пить, но, когда я увидел общую плошку, наполненную грязной серой водой, моя жажда сразу утихла. Я прислушивался к шорохам в траве, которые могли означать приближающуюся огромную кобру, но все было спокойно, и через недолгое время, сидя почти обнаженным в тени в позе лотоса, я погрузился в дрему. Перед моим внутренним взором мелькали яркие образы – люди и события, которые почему-то в этом месте, в полусне, казались мне даже более настоящими, чем если бы я их видел на самом деле.

Разбудили меня шум и крики отшельников, когда солнце уже начало клониться к закату. Кричали они столь громко, что сперва я подумал, будто они увидели разозленного слона или даже тигра – нечто страшное, сильно их напугавшее. Однако это были не звери, а люди: к нам неспешно приближались трое. Шедшего впереди я сумел рассмотреть внимательно.

Это был довольно высокий для индийца, статный, широкий в плечах, и в то же время очень поджарый человек с коротко стриженными волосами необычного для Индии рыжеватого цвета, довольно светлые. Черты его лица были правильными, но трудно было бы назвать его красивым. Привлекательным было скорее выражение его лица – чрезвычайно спокойное и уверенное. За ним почтительно следовали двое скромно одетых молодых людей непримечательной внешности.

При виде этой троицы аскеты, с ужасом вскочив на ноги, принялись кричать и кидаться комьями грязи, изрыгая изошренные ругательства сразу на нескольких древних языках. Но человек, в которого попало несколько комьев, словно не обращал на такую реакцию никакого внимания – будто ничего другого от отшельников и не ожидал. Старший аскет негодовал сильнее всех. Приблизившись к пришедшему, он грозно указал на него пальцем:

– Презренный Гаутама! Изменник! Слстолюбец! Как ты вообще посмел вновь появиться здесь спустя столько времени? Боги обрушат на тебя весь свой гнев! Шива разотрет тебя в порошок за твою гордыню и непомерные грехи!

Человек просто стоял, молча глядя в лицо аскету. Из дальнейшей гневной отповеди я понял, что пришедший когда-то был одним из них, и даже прожил с ними долгое время – похоже, несколько лет, но затем покинул их общину и выразил несогласие с их образом жизни, назвав их «глупыми и бесполезными», чем оскорбил аскетов до глубины души. Люди всегда особенно сильно ненавидят тех, кого когда-то любили.

– Преклони колени, несчастный, в свой смертный час! Шива поразит тебя своим вселенским огнем! Нет тебе прощения ни в этой жизни, ни в следующих!

Дождавшись окончания тирады и словно наслаждаясь наступившей тишиной, подошедший заговорил. Его голос был негромким, невероятно спокойным и словно повелевающим:

– Один день человека, узревшего Истину, ценнее целой жизни того, кто о ней не знает. Забудьте о Шиве и всех остальных ваших богах. Их не существует. Вы сами их выдумали.

– До чего же ты возгордился, уйдя от нас, Гаутама. Твой разум явно помутился. Как смеешь ты говорить, что великие боги, создавшие мир и управляющие им, не существуют? Не позорь своим дерзким пустословием славный род Шакьев. Это надругательство над памятью твоего отца!

– Не смейте звать меня Гаутамой. Меня прошлого более не существует: я узрел свет ослепительной истины и пробудил свой разум. Сюда же я пришел, чтобы принести вам весть об этом.

– Уж не считаешь ли ты себя Буддой, великим Пробужденным? Даже из тысяч святых отшельников Буддой еще никто не стал при жизни. И уж точно им не стать тебе, предатель!

Выкрики и оскорбления аскетов на человека, похоже, производили впечатление не большее, чем комариный писк. Казалось, что его вообще ничто не может вывести из себя. Он продолжил:

– Знаете, почему хороший музыкант никогда не тянет струну ни слишком сильно, ни слишком слабо? Потому что тогда он либо порвет ее, либо не издаст ни звука. Хороший музыкант играет на струнах плавно, натягивая их примерно на половину от возможного. Так же поступает и мудрый человек: он ступает аккуратно посередине: не поддается похоти и соблазнам, но и не впадает в крайнюю аскезу. Отказывая себе абсолютно во всем, вы лишь напрасно изводите собственные тело и ум.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе ведом другой путь достижения мокши – религиозного экстаза?

– Я знаю, как добиться несоизмеримо большего. Я мог бы открыть вам прямую дорогу в нирвану. В ней можно слиться духом со всей Вселенной, отринув навечно любое из страданий.

– И кто же из великих брахманов поделился с тобой этим тайным знанием?

– Я первый среди людей, родившихся с начала времен, которому открылось это знание. Это стоило огромных усилий. Покинув вас, я долго скитался и почти потерял надежду. Я понял, что мне незачем жить в мире дальше, не зная истины. Я просидел неподвижно под деревом Бодхи 49 дней. Дьявол Мара испытывал меня так, как не соблазнял еще никого из смертных. Прозрение пришло ко мне в один миг. Мне стали ведомы тайны сансары – цикла перерождений, счастья, горя, любого знания. Мне не хватило бы целой жизни, чтобы рассказать обо всем, что открылось мне в этот миг. Пробудившись, я долго размышлял о том, должно ли делиться этим Знанием с людьми, или оно принадлежит только мне одному. Я блуждал по саду, где мне случайно встретились двое торговцев. Заметив мою крайнюю худобу после столь долгого поста, они протянули мне с улыбками две медовых лепешки, и за всю свою жизнь я не пробовал ничего вкуснее тех лепешек. Я понял, что это – знак, и обратился к ним с речью. Когда я закончил, они сказали, что будут следовать за мной и помогать проповедовать мое учение до конца своих дней.

Я взглянул на молодых людей, стоявших на почтительном расстоянии от Просветленного. Аскеты собрались в круг, о чем-то тихо переговариваясь. Казалось, интерес к познанным отступником тайнам бытия боролся в них с желанием прогнать его прочь. Шли минуты, аскеты по-прежнему совещались, повернувшись к нему своими изможденными спинами.

Чтобы прервать неловкое молчание, я заговорил первым. Просветленный – а это и был Будда – не знал меня, но даже моя необычная для Индии внешность и светлая кожа, как и все остальное в этом мире, его не смущали.

– О, славный принц из рода Шакьев! Прошу тебя, раскрой нам твою мудрость.

Отшельники, кажется, тоже были не против, хотя из гордости им это и было трудно признать.

– Прежде всего, мне открылись четыре благородные истины. Первая истина заключается в том, что вся человеческая жизнь – это страдание. С болью человек приходит в этот мир, и с болью уходит. Кем бы он ни был, итог всех его жизненных усилий – увядание, старость, болезни, смерть, нередко мучительная. Кто-то возразит, что в жизни есть немало удовольствий. Однако любому мало-мальски мудрому человеку известно, сколь они мимолетны и непостоянны. Радость обладания чем-либо вскоре сменяется страхом потери. Кроме того, человек, заполучив что-то, сразу мечтает о чем-то большем, и, не имея этого, вновь испытывает досаду и тоску. Радость любви сменяется ревностью, а затем и огромной болью утраты любимого человека из-за его измены, ухода или смерти. Мне самому довелось обладать всем, чего только может пожелать человек: я жил в великолепном дворце, вкушал изысканные яства, у меня были прекрасные жена и сын, не было числа драгоценностям в моих ларцах и на моих пальцах. Но был ли я счастлив? Иногда мне казалось, что мне хорошо. Но такое чувство всегда было скоротечным. Большую часть времени я ощущал себя глупым и беспомощным как младенец; в душе моей всегда таилась глубокая тоска. И чем дальше, тем сильнее. По-настоящему я жаждал только одного: мудрости и знаний. Когда я обрел мудрость, я стал счастливейшим из людей.

Итак, любое удовольствие – это врата страдания, причем со временем все более сильного. Но в чем источник этих тяжелых страданий, этой неизлечимой болезни души?

На это дает ответ Вторая истина. Источник страданий – это желание, жажда, влечение. Но не они страшны сами по себе, а та привязанность к вещам, людям, образам, которую они порождают. Истина в том, что наши привязанности – основа наших страданий. Привязанность возникает из ложного понимания мира. Нам кажется, что мир – это нечто наполненное и постоянное, и что нечто из него – реально, долговечно и нам принадлежит. Истина же состоит в

том, что мир на самом деле совершенно пуст. Все, что, как нам кажется, мы имеем, существует только в нашем личном воображении. Вы любите женщину, и вам кажется, что она любит вас. Но на самом деле то, что происходит в ее душе, вам неизвестно. Вы любуетесь прекрасным золотым кольцом на пальце, но стоит ему соскользнуть и упасть в колодец, и оно никогда впредь не будет вашим – потому что оно никогда и не было вашим. Вы смотрите на нежно-розовый цвет распустившейся розы, но, когда солнце зайдет, вы обнаружите, что ее цвет – темный, а наутро она уже увянет. Мир внутри человека – всего лишь иллюзия. Вы уверены в том, что вы существуете. Но для Вселенной вы – ничто, а ваша жизнь короче, чем взмах крыльев бабочки. Все вокруг ежесекундно меняется. Человек... Дерево... Храм... Ничто не имеет «истинной», подлинной сути. Все, что вы видите вокруг, является «настоящим» только сейчас и только в вашем воображении.

Для чего испытывать страсти и привязанности, если все столь призрачно, если мир бесконечно меняется?

Ответ на это дает Третья истина. Тот, кто не испытывает привязанностей, не поддается страстям о преходящем, контролирует свой разум – не подвержен страданию. Им просто неоткуда взяться, и они прекращаются, не начавшись. Если мир воображаем, то почему бы не использовать сокрытые в себе силы, чтобы наполнить себя радостью, постоянным блаженным спокойствием? Забудьте об эгоизме, постарайтесь увидеть вещи не такими, какими вы их хотели бы видеть, а беспристрастно, в их истинном свете. Кто отрекся от всех стремлений, сбросил оковы стремления к секундным удовольствиям, тот никогда не утонет в пучинах страстей. Как ветер не ловится сетью, так и несчастья не пристанут к мудрому.

Вы спросите – как можно добиться прекращения привязанностей и страданий? Как нужно жить, и что благородного, обуздавшего страсти человека ожидает в конце его пути?

Здесь мы приходим к Четвертой истине. Я уже упоминал о наилучшем для человека Среднем пути, одинаково далеком от крайностей. Он также называется Восьмеричным путем. Это путь соблюдения восьми главных заповедей. Первые две – это заповеди мудрости: о правильном воззрении и намерении. Под воззрением следует понимать отказ от страстей, намерение же – это Путь Освобождения. Следующие три заповеди – нравственные. Правильная речь: не лги, не груби, не пустословь. Правильное поведение: не убей, не укради, не изменяй жене. Правильный образ жизни: не ешь мясо, не торгуй оружием, не принимай алкоголь и дурман. Когда вы овладеете с этими пятью заповедями, тогда следуйте еще трем, духовным: правильное усилие, напоминание и сосредоточение. Сохраняйте постоянный полный контроль над своим телом и духом, старайтесь проникнуть в истинную суть и форму вещей, медитируйте. Соблюдать восемь заповедей необходимо неукоснительно. Сколько бы мудрых слов вы ни услышали, какой от них прок, если вы не следуете им? Тот, кто сумеет пройти прямо Восьмеричным путем, в момент физической смерти получит главную, сверхчеловеческую награду. Он не просто навсегда прекратит болезненную, полную разочарований цепь своих перерождений на земле, как об этом твердят брахманы. Его дух также станет частью великой Вселенной в вечной, блаженной, лишенной любых страданий нирване.

Один из аскетов, затаив дыхание слушавший бывшего принца Гаутаму, прервал его:

– Что такое нирвана? Она сулит достигшему ее вечное удовольствие?

– Нирвана стоит выше любых удовольствий. Это – конечная, высшая Цель. Однако объяснить ее понятными нам чувственными земными образами невозможно. Это просто иное состояние духа.

Настроение аскетов резко изменилось. Теперь они наперебой задавали вопросы.

– Люди каких каст могут попасть в нирвану? Только брахманы? Презренные неприкасаемые и шудры после смерти могут переродиться разве что в таракана, или, если повезет, в крокодила?

– Ни один человек не рождается презренным. Презренны только дела. Даже Верховный Брахман достоин презрения, если поступает низко и подло. А человек, рожденный в сточной канаве, но помогающий ближним, заслуживает уважения, и при условии соблюдения заповедей и упорной работы над собой может достичь нирваны, как и любой другой.

– Существует ли карма, предопределена ли человеческая судьба?

– Карма человека меняется каждый день в зависимости от его поступков, которые истекают от его мыслей. В мире нет ничего предопределенного. Все происходит по воле людей, а не сверхъестественных сил. И если воля людей направлена на добро, то и весь мир вокруг будет добрым.

– Думаешь, люди поверят и пойдут за тобой? Как им жить, когда ты отказываешь им в их богах?

– Зачем нужны боги? Каждый человек – сам себе светило. Самый яркий свет исходит изнутри.

– Ты полагаешь, что все люди, а не только святые или монахи, могут встать на путь умеренности? Добровольно лишить себя мирских удовольствий?

– Даже если на вашу голову снизойдет дождь из золотых монет, часть из них наверняка подберете не вы. И тогда даже столь приятное событие обернется досадой и недовольством. Мудрец же знает, что от денег мало радости. Истина – вот сладчайший плод этого мира. Самообладание – это главный шаг к ней.

– Значит ли это, что твоему последователю надлежит пребывать в бедности и лишениях?

– Смысл всего моего учения можно уместить в одно слово – Освобождение. Не обладание вещами делает человека рабом, а привязанность к ним. У человека могут быть богатства. Но он должен быть готов расстаться с любой вещью в один миг и без малейших сожалений.

Аскеты, пораженные ответами, отошли под тень дерева, чтобы осмыслить услышанное. Мне же странным образом учение Просветленного навеяло ассоциации с науками о человеческом мозге, исследования которого так активно ведутся в наши дни. Все хорошее или плохое для нас заключено в мозге. Научитесь в совершенстве управлять работой своего мозга, направляйте мысли туда, куда нужно вам. Презирайте боль, не переживайте о недостижимом, не злитесь, забудьте о гневе. Пусть мозг испытывает только хорошие, приятные, спокойные эмоции.

Воспользовавшись перерывом, я подошел к Просветленному. Его внимательные карие глаза излучали особенную энергетику. Двое его спутников хотели подскочить и оттеснить меня, но он дал им знак не беспокоиться.

– Скажи, мудрый странник: если мы не существуем, то кто же тогда сейчас стоит здесь? И если все вокруг – лишь наша иллюзия, то зачем же тогда следовать Срединному пути?

– Ты понял сказанное мной слишком прямо, а значит – превратно. Мир есть пустота. Мир существует одно мгновение, затем безвозвратно изменяется, и так происходит бесчисленное множество раз. А если мир пуст, то в нем существует лишь то, чем мы наполняем его. Наша жизнь – результат наших мыслей. Только ты сам можешь сделать себя несчастным или счастливым. Свеча не становится меньше от того, что от нее зажгли тысячу свечей. Люби себя и все, что тебя окружает.

– Но избавиться от желаний невероятно сложно. Весь человеческий дух соткан из них.

– Освободиться разом от всех желаний невозможно. Для этого надо пройти долгий постепенный путь. Поэтому сначала можно представлять себе удовлетворение этих желаний. Например, тебе хочется сладкой ягоды, но ее неоткуда взять. Зайди внутрь себя, задействуй воображение. Предприми усилие. Через минуту твой рот будто бы наполнится сладостью ягоды. Но это лишь начало. Прозревший Истину легко отринет от себя само желание. И тогда ничто не сможет отвлечь его, нарушить состояние Пробуждения, самое прекрасное из всех состояний.

– А что ждет тех, кто откажется идти по указанному тобою праведному пути?

– В этом случае ты будешь наказан. Но не мной. И не богами, которых нет. Ты будешь наказан самим собой, а это худшее наказание. Тот, кто гневается, наказан собственным гневом. Тот, кто стремится только к деньгам, погибнет от ощущения своей бедности, независимо от степени его богатства. Демон, которого ты добровольно впустил в свою душу, тебя и погубит.

– Какие еще наставления ты, мудрец, мог бы дать?

– Нет в мире счастья, равного спокойствию. Забывай зло, причиненное тебе, как можно быстрее. Не стоит тащить в свою душу ненужный хлам. Будь снисходителен к юным, почтителен со старшими, помогай слабым. В какой-то момент жизни ты сам был или будешь одним из них. Ни с кем никогда не сражайся. Ведь даже твоя победа станет горем для побежденного и его близких, а значит, рано или поздно вернется злом и к тебе, повредит твою карму. Помни: твои тело и ум – это сосуды. Вылей из них все ненужное и суетное. Когда они станут пустыми, наполни их светом и радостью. И тогда ты ощутишь больше счастья, чем любой из смертных.

– И все же, как правильно понимать твои слова о том, что мир – это только нечто кажущееся?

Будда вздохнул, и сказал, что сейчас покажет мне это. Он поднял с земли увесистую палку и неожиданно ударил ею меня по плечу – не настолько сильно, чтобы нанести рану, но довольно болезненно. Я тихо вскрикнул и поморщился от неприятного ощущения. Тогда Будда сказал, что ударит меня еще раз, только во много раз сильнее.

Он широко размахнулся, я сжался, закрыл глаза и почувствовал в плече электрический разряд, едва не сбивший меня с ног. Я схватился за плечо. Он спросил меня, насколько это было больно. Я сказал, что очень. Он засмеялся и объяснил, что в момент удара остановил палку в сантиметре от моего плеча и в этот раз даже не коснулся его.

– Ты просто представил себе удар, и твое собственное воображение едва не повалило тебя на землю. Я могу научить тебя выдерживать самый сильный удар так, чтобы он казался тебе легким дуновением ветерка. В этом нет ничего сложного. Сильный удар, слабый удар, отсутствие удара – все одно и то же. Разница лишь в том, как ты сам воспринимаешь их. Если ты правильно сосредоточишь свои мысли, тебе по силам сокрушить железо голыми руками.

Тем временем аскеты прекратили совещаться, торжественно подошли к Будде и склонили пред ним головы. Им не нужно было ничего говорить. Теперь они были готовы следовать за ним повсюду.

Бывший принц Гаутама, кажется, в первый раз широко улыбнулся. Все это время его лицо было сосредоточенным, но сейчас его улыбка казалась светлой, искренней, почти детской. Он простер руки над головами аскетов и проговорил:

– Я, Пробужденный, всегда жил в этом мире. И я всегда буду в нем жить, даже после моего ухода. Однажды услышав мое учение, вы уже не захотите ничего другого в своей жизни. Великий царь награждает и наказывает подданных. Но даже и он не в силах избавить их от болезней и смерти. Я же могу полностью исцелить ваш Дух и подарить вам Вечность.

Затем повернулся в сторону леса, за которым протекал священный Ганг, и произнес:

– Все живые существа, малые и большие, старые и молодые, и даже те, что еще в утробе матери, да будут счастливы!

Уходя с пятью верными новыми последователями, урожденный принц Сиддхартха Гаутама, отныне избравший до конца своей долгой жизни путь нищего бродяги, странствующего проповедника, обернулся ко мне:

– Ты идешь со мной?

– Прости, Учитель. Ты прав во многом. Но у меня есть свой, другой Учитель. Хотя сейчас он пока еще даже не родился в человеческом теле на этой земле.

Он посмотрел с удивлением, но не стал начинать расспросы. На миг принц прикоснулся к моему плечу:

– Что ж. Каждый вправе сделать свой выбор.

Восемь человек неспешно шагали, навсегда покидая Оленью рощу, и вели оживленную беседу. Какое-то время я видел их спины, потом исчезли и они, – так, словно их здесь никогда и не было...

Последователи Будды уверены, что именно в этом месте, и в этот вечер Колесо Дхармы (Судьбы Мира) совершило свой первый и главный за всю историю человечества поворот.

Глава 5

Вселенная – в логике, музыке, числах (Пифагор)

Место: Кротон (современный юг Италии, город Кротоне на побережье Ионического моря)

Время: 516 год до нашей эры

Мне еще ни разу не встречался человек, которому бы совершенно не нравилась Италия.

Летний рассвет на берегу разделяющего Италию и Грецию Ионического моря. Чистейшая, прозрачная голубая вода с яркими солнечными бликами на ней. Рыбачьи лодки, вышедшие в море затемно и кажущиеся теперь лишь крохотными пятнышками на горизонте. Свежий морской воздух, который, кажется, исцелит даже безнадежного больного. Этот рассвет давно-стью в две с половиной тысячи лет показался мне самым прекрасным в жизни.

Этот период греческой истории позже назвали «архаическим». Древнегреческая цивилизация с центром в Афинах еще не вполне сложилась. Но великая эллинская культура уже заявила о себе в полный голос. Не только на территории Греции, включая многочисленные острова, но и во многих других соседних регионах – на Апеннингах, в Сицилии, в Азии – создавались эллинистические полисы, объединенные общим языком, религией, культурой, зарождающейся греческой наукой.

Один из крупнейших греческих городов того времени, Тарент, с большой каменной крепостью, величественными храмами Зевса и Геры, сильной военной дружиной, находился на юге Апеннин, в районе каблука «итальянского сапога». Южнее, на побережье, лежал город Кротон, славившийся прекрасной песчаной гаванью и портом для торговых кораблей. Еще недавно Кротон был небольшим прибрежным поселком, но теперь разросся до вполне самостоятельного полиса.

Я снял обувь и шел, утопая по щиколотку в мягком, влажном от ночной росы золотистом песке, огибая брошенные полусгнившие деревянные лодки, сети и многочисленные хибары рыбаков, из которых доносились голоса детей и женщин, уже проснувшихся и хлопотавших по хозяйству.

В древнем мире не было понятия времени в том смысле, к которому привыкли мы. Не было точных часов, люди ориентировались по положению солнца, а личные встречи назначались примерно: прийти на них с задержкой в полчаса значило практически не опоздать. И все-таки я спешил. У людей, к которым я шел, ежеутренняя встреча восхода была особенным, почти магическим ритуалом, который я хотел застать.

Когда я поднялся на вершину холма в трех километрах от городка, меня остановили суровые стражи. Я объяснил им, что я ученый-математик, что я прибыл из далекой страны, которая находится за Геркулесовыми Столпами, и что я потратил много недель, чтобы добраться сюда и поделиться своими знаниями с самим Мастером, слава которого разносилась за пределы Эллады. Я действительно выглядел странно для них: говорил с акцентом, и рядом с бронзовыми эллинами казался совершенно белокожим. Мое физическое сложение свидетельствовало, что я ни дня своей жизни не прослужил в войске, да и вряд ли работал в поле – явно занимался лишь умственным трудом.

Стражи поверили мне, и сказали, что отведут меня к Милону, который, видимо, был главным по безопасности в этой большой общине, а заодно и «правой рукой» основателя. Мне разрешили с некоторого расстояния посмотреть на ритуал встречи солнца, который уже завершился.

Пришлось подняться еще немного, на самую вершину холма. Там, у склона, откуда открывался превосходный вид на песчаную гавань и море на востоке, над которым прямо посе-

редине поднимался солнечный диск, собрались десятки крепких статных мужчин; нужно было понимать, что это была далеко не вся община, а лишь ее избранные члены. Они были одеты в длинные белые хитоны. Одни стояли на коленях, обращая руки к светилу, другие держали в руках лиры, стройно и умело аккомпанируя певцу, исполнявшему проникновенную, хотя и несколько заунывную песнь. Его высокий подрагивающий голос очень эмоционально, на грани плача, благодарил бога Аполлона за еще один подаренный день прекрасной жизни. Поодаль стояли несколько десятков девушек и детей, которые не участвовали в священнодействии, но были благодарными зрителями.

После ритуала начинались занятия по группам. По сути, это была школа. Детей обучали основам арифметики и геометрии: их наставники чертили тонкими палками на выровненных и покрытых ровным слоем песка площадках многоугольники и буквенные формулы, объясняя материал на языке, специально придуманном внутри общины – так, чтобы многие слова были непонятны непосвященным чужакам. На второй стадии юноши и девушки подросткового возраста, сдавшие лично основателю братства экзамены по математике и логике, переходили к обучению основам музыки: играли на лирах и больших духовых инструментах, пели, овладевали основами музыкальной теории. Третья стадия отводилась взрослым, и на ней предполагалось обучение философии. Этот странный на первый взгляд термин («любовь к мудрости») придумал сам основатель общины, и таким образом слово «философия» впервые попало в обиход. Философские занятия велись на столь сложном, почти полностью «зашифрованном» языке, что, проходя мимо такой группы, я не понял из их беседы почти ни слова.

Те, кто успешно преодолел все три стадии – а таких было немного – могли либо навсегда покинуть общину, получив благословение ее великого основателя, чтобы разносить свет его мудрости по всему эллинскому и не только миру, либо остаться в качестве наставников. Желавших присоединиться к братству было все больше, но попасть в него дозволялось лишь самым одаренным.

Мне пришлось прождать Милона несколько часов. С утра он был по делам в городе, вернувшись в общину лишь после полудня. Когда он наконец появился, я безо всяких представлений сразу понял, кто передо мной. Он отличался особой статью, сильным и мускулистым телом и могучим торсом. Милону было около сорока, в его коротких волосах уже пробивалась седина. Он был высокого роста, но все же не великан. Его тело в тунике атлета, с почти открытой грудью и крупными, мощными руками напоминало ожившую статую Геракла. На мой изумленный взгляд он никак не отреагировал, выслушал мой краткий рассказ и сказал, что отведет меня к Мастеру.

Перед этим он внимательно ощупал мою одежду, убедившись, что под ней нет кинжала или другого оружия. Я решил пошутить, чтобы сделать разговор более непринужденным.

– Насколько я слышал, мастер – уже в преклонном возрасте. Я намного моложе. Вы не опасаетесь, что во время разговора один на один я могу напасть на него без оружия, с одними лишь голыми руками?

Милон расправил богатырские плечи, откинул голову назад и негромко, но от души рассмеялся.

– Ты? Голыми руками? В молодости Мастер был чемпионом Олимпийских игр по кулачному бою. Даже в свои шестьдесят с небольшим он может сломать тебе шею двумя пальцами. Но не бойся, он добрейший из людей. Даже не ест мяса, считая убийство животных большим грехом. Он так силен от природы, что мог бы победить на Играх еще не раз. Но в финальном поединке со знаменитым борцом Мастер случайно сломал ему шею, и тот погиб. На Играх такое случается каждый день, и не только в борьбе: ни один заезд колесниц не обходится без смертей под колесами. Но для Мастера это была трагедия: он отдал все свои деньги вдове погибшего и поклялся больше никогда не выходить на арену.

– Но я слышал, что он все-таки не прекратил занятий и какое-то время тренировал?

– Да, мы тогда жили на Самосе, и он не хотел, чтобы известная школа борцов с этого острова прекратила существование. Мои родители привели меня к нему. Юношей я был крепким, ловким и жилистым, но слишком худым. Тогда он попросил родителей привести новорожденного бычка. Он сказал, что я каждое утро должен таскать его на вершину горы. Днем и вечером бычок отъедался, его вес увеличивался с каждым днем. Осенью он стал уже почти взрослым быком, но я по-прежнему таскал его на гору. Я изменился так, что когда я пришел их навестить, родители едва меня узнали.

– А что произошло потом?

– А затем Мастер поссорился с тираном острова Поликратом, который хотел демонстрировать его умения и знания высоким заморским гостям, как ученую обезьянку, во время застолий, полных пьянства и разврата. Однажды Мастер резко отказал ему и был вынужден бежать, перебравшись сюда. Он взял с собой лишь нескольких самых близких учеников, включая меня. Мы живем здесь уже более двадцати лет. За это время я пять раз становился чемпионом Олимпиад по кулачному бою, ни разу не проиграл на арене. В этом году я хотел установить рекорд всех времен, став чемпионом в шестой раз. Но, как ни уговаривал меня учитель, я не поехал в Афины. Боюсь оставлять его одного даже ненадолго. Слишком сейчас тревожно. Впрочем, мы с тобой заговорились. Пойдем.

Мы вдвоем прошли мимо веранды над морем, украшенной мраморными статуями полубоженных атлетов и задрапированных в длинные платья девушек. Когда мы спустились вниз к небольшому гроту, окруженному морем, я увидел благостную, почти идиллическую сцену. Крепкий мужчина среднего роста с могучими плечами, густой, черной, почти лишенной седины бородой (которую в общине дозволялось носить из всех мужчин только ему) и такими же длинными курчавыми волосами – правда, с крупной лысиной на затылке, – с любовью держал на руках крошечного младенца, видимо, всего нескольких дней от роду. Рядом сидела его прекрасная юная жена – Феано, со светлыми волосами и голубыми глазами. Здесь же играл их сынишка лет трех, уже довольно самостоятельный. Почти до старости Пифагор сторонился женщин (хотя и принимал их для учебы), считал блуд наравне с пьянством причиной многих несчастий, был убежденным девственником. Но, дожив до преклонных лет, неожиданно для всех без памяти влюбился в юную ученицу общины, равно блиставшую красотой и умом и ответившую ему взаимностью.

Милон дождался, пока девушка взяла младенца на руки, нежно поцеловав мужа, и ушла. Он подвел меня к учителю, коротко представив. Видимо, ему уже утром передали новость о моем прибытии, поэтому он понимающе кивнул и обернулся ко мне, оценивая проницательным взглядом. Лицо его казалось чуть простоватым для столь выдающегося мудреца, но глаза сияли исключительным умом.

– Приветствую тебя, чужеземец. Я очень рад, что ты проделал долгий путь ради знакомства со мной. Как гостю тебе окажут все почести, дадут лучшую еду, ты будешь спать сегодня на ложе, а утром сможешь посмотреть, как происходит наше обучение. Но прежде я хотел бы задать тебе один вопрос. Ты представился математиком. И тебе, разумеется, знакомы священные числа: два и десять. Скажи же, сколько будет, если число два перемножить само на себя десять раз? Я могу дать тебе время, чтобы произвести расчеты.

– Тысяча двадцать четыре.

Я выпалил ответ мгновенно и с некоторым удивлением. Два в десятой степени – один килобайт информации. Об этом знает любой школьник, начинающий изучать программирование.

Мастер был удивлен скоростью ответа, и сделал рукой знак Милону, что тот может идти. Оставшись наедине, он спросил о том, что еще в моей стране знают о математике. Я сказал, что в моей стране о математике знают многое, но для начала я на правах гостя хотел бы сам задать несколько вопросов. Я попросил мудреца немного рассказать о себе.

– Моя жизнь, слава Творцу, была долгой, пусть и нелегкой. Однако я и сейчас ощущаю себя совершенно молодым (ибо возраст есть степень гибкости ума) и здоровым благодаря умеренности в пище, питье и привычках. Когда моя мать была беременна мной, они с отцом побывали в Дельфах, у Пифии, которая предсказала, что родится сын, который превзойдет всех рожденных прежде в уме, мудрости и силе. Еще она сказала, что ребенок будет необыкновенно красив. Мне кажется, что вот это она явно преувеличила. Родители были поражены предсказанным и назвали меня Пифагором, то есть «предсказанным Пифией».

Когда мне было около двадцати, сразу после победы на Играх, я решил отправиться в долгое путешествие, так как только в странствиях и упорном стремлении к истине можно обрести действительно новые знания. Я нанялся моряком и побывал в Египте. Там, у жрецов фараона, я получил первые познания в области истории и природы. Затем за мою силу меня приняли в персидскую армию, и я смог побывать в Вавилоне, где познакомился с древними шумерскими работами по астрономии и математике. Там же я общался с философами из немыслимо далекой Индии, большой страны далеко на востоке, которые посвятили меня в свою веру и рассказали о переселении душ после смерти, во что теперь верю и я сам. На севере Персии я видел храмы огня и людей, верящих в единого бога. Что-то я перенял и у них. Через пятнадцать лет странствий, за время которых я выучил несколько языков и не раз бывал на волоске от смерти, я вернулся на Самос, где основал ученую общину, а затем был вынужден перебраться сюда.

– Мастер, вы занимаетесь сразу столькими науками. Что для вас самое важное?

– Прежде всего я стараюсь изучать гармонию мира. Гармония – это отношение частей друг к другу и к целому. Суть науки – в познании гармонии мира и небес. Яснее всего она выражена в числах, в математике. Задолго до меня мудрецы Востока познали базовые численные закономерности и секреты сложных правильных фигур. Моя заслуга в том, что я объединил арифметику и геометрию. Например, теорема о равенстве квадратов длин двух коротких и длинной стороны прямоугольного треугольника была известна еще в древнем Вавилоне, я встречал ее описание на глиняных табличках. Но я первый доказал ее, используя геометрию, с помощью квадратов, построенных на каждой стороне такого треугольника. Хочешь, я начерчу это доказательство на песке?

Я ответил, что в этом нет необходимости.

– Но это простейшая теорема. Наши наставники рассказывают о ней детям еще на начальных занятиях. Я открыл и доказал много других, более сложных теорем, которые касаются многоугольников, простых и сложных чисел, пропорций и других областей науки. С каждым таким открытием я словно приоткрываю небольшую дверь в неизвестное, впускаю в наш темный мир еще немного света. И это не просто метафора. Сам Бог есть вечный свет. Я, как и персидские огнепоклонники, верю, что Бог един, вечен, и состоит из светящегося эфира. Я не верю в Зевса, Геру и прочих наших комедийных божков, которые ведут себя как земные люди. Сказки Гомера и его последователей не имеют к науке и истинной природе вещей никакого отношения.

Я также открыл, что Земля – это огромный шар, который вращается вокруг Солнца. Да, чужестранец, тебе это может показаться удивительным, но мои вычисления говорят именно об этом. Глядя на то, как корабли уходят за горизонт, мне пришло в голову, что поверхность Земли – не плоская. Я наблюдал за ними с берега, поднимался на вершину горы, строил воображаемый треугольник и приходил к математическому выводу, что Земля геометрически не может быть плоской – это на самом деле сфера. Кроме того, наблюдая за ночным небом, я обнаружил, что некоторые из ярких видимых небесных тел на самом деле не звезды: так же, как и Земля, они обращаются вокруг Солнца. Меня всегда интересовала наука о звездах, и мне жаль, что на свете нет инструмента, который позволил бы рассмотреть небесные тела более четко и близко.

Ты наверняка успел заметить, что мои ученики искусны в музыке. Еще в молодости меня посетила мысль, что музыкальные ноты – это числа, выраженные в звуке. Красивые мелодические гармонии – это те же математические формулы. Длинные и толстые струны издают низкие тона, тонкие и короткие – высокие. Каждый тон – это лишь некое число, соответствующее высоте звучания струны. Я пошел в логических рассуждениях дальше и осознал, что в некотором смысле вся Вселенная – это музыка. Постоянно звучащая, сладостно поющая высшая гармония сфер. И лишь потому, что наши уши крайне несовершенны, мы, как тугоухие кузнецы, оглохшие от грохота молотов в мастерской, не можем расслышать эту музыку и оценить ее красоту. Когда мои ученики с лирами и песнями встречают рассвет – это лишь примитивная, неловкая, но искренняя попытка звучать в один тон со Вселенной.

Ученый прервал речь и указал рукой на солнце, которое стояло еще высоко, но постепенно начинало клониться к закату.

– Посмотри внимательно на этот свет. В зависимости от времени суток он бывает желтым, белым, оранжевым, красным. Но я глубоко убежден, что все эти оттенки цвета можно исчерпывающе описать цифрами. Например, ты присваиваешь единицу самой светлой частице света и тысячу – самой темной. Далее ты выстраиваешь все оттенки по порядку в зависимости от яркости. Любой вид солнца и его цвет ты можешь описать просто перечнем соответствующих чисел. Это все, конечно, звучит надуманно, и я понятия не имею, как это можно применить в повседневной жизни. Но я чувствую, я готов сложить за это голову, что числами можно идеально точно описать весь наш мир и всю бесконечную Вселенную над нашей головой.

Великий философ... Если бы ты знал, насколько ты прав. Целые миры виртуальной реальности, созданные из десяти цифр компьютерными программами... Цвета компьютерной графики... Как многое я мог бы тебе рассказать! Но я не имею права забегать вперед и изменять ход истории.

Я поблагодарил Пифагора за его откровения и попросил дать несколько советов для обыденной жизни.

– Будь спокойным и умеренным во всем. В работе делай все вдумчиво, по порядку, везде ищи свою систему. Не пей много вина: пьянство есть состязание в безумстве. Пей только изредка, один небольшой кувшин лучшего вина и только в компании с близким другом. Не болтай попусту. Слова должны звучать только тогда, когда они лучше молчания. Нерадивых учеников за леность мои наставники наказывают временным запретом разговаривать, и поверь, это наказание гораздо хуже порки. Каждый день хотя бы понемногу тренируй свое тело, а после физических занятий проси сделать тебе хороший расслабляющий массаж. Не женись до тех пор, пока не разобрался в себе и в своей собственной жизни, иначе брак принесет тебе только новые несчастья. Выбирай себе надежных, верных друзей – таких, как Милон. Меня часто спрашивают о том, в чем состоит смысл жизни. Я честно отвечаю, что я, как и любой человек, недостаточно мудр, чтобы знать точный ответ. Но для меня самого смысл жизни – в созерцании совершенства ночного неба, которое мы, люди, едва только начали постигать.

– У вас столько последователей, такая большая община. Вы могли бы с их помощью стать политиком, правителем Кротона или даже Тарента, и сделать лучше жизнь многих тысяч людей.

– Есть два вида жизни: деятельная и созерцательная. Жизнь подобна Олимпиадам. Одни приходят на них состязаться, другие – торговать, а самые счастливые – просто созерцать. К ним я себя отношу, и считаю это действительно большим счастьем. Я не хочу быть правителем. Я хочу учить жаждущих знания тому, что постиг сам – математике, философии, музыке, астрономии. Хотя я не полностью лишен честолюбия, и мне порой бывает досадно, что история Эллады сохранит имена множества тиранов, а вот мое имя после моей смерти не будет знать ни одна живая душа.

Я с трудом заставил себя промолчать. Понимая, что беседа близится к концу, задал еще вопрос.

– Философ, над чем вы работаете в данный момент?

Он вздохнул, как будто с печалью. Кажется, я невольно растревожил какую-то потаенную рану.

– Подобно Сизифу из легенды, вот уже много месяцев я ежевечерне бьюсь над этой проблемой. Но все еще не нашел решения. Это простая математическая задача, но она буквально сводит меня с ума. Как математику, вам хорошо известно, что продолжение теоремы о треугольниках – это тройки целых чисел, в которых сумма квадратов двух чисел (как в прямоугольном треугольнике) равна квадрату третьего. Например, 3 в квадрате плюс 4 в квадрате равно 5 в квадрате; 5 в квадрате плюс 12 в квадрате равно 13 в квадрате, и так далее. Мои ученики исследовали ряды чисел до нескольких тысяч, легко обнаружив десятки таких троек. Тогда я решил сделать следующий шаг и найти такие же тройки чисел, но не в квадрате, а в кубе, а также в четвертой степени. Я был абсолютно уверен, что и таких троек множество. Но как я ни подбирал числа, какие огромные вычисления ни производил, ни я, ни ближайшие ученики, с которыми я поделился этой тайной, до сих пор не смогли обнаружить такие тройки. Ну не может же быть, что их вообще нет! Это было бы насмешкой Творца над людьми! Я извожу себя каждый вечер, стал плохо спать. Но я не останавлиюсь, пока не найду хотя бы одну такую тройку.

Я внимательно посмотрел на великого Пифагора. Он внушал мне неподдельное восхищение. Поэтому я сделал то, на что не имел права, но не мог не сделать, видя его душевные страдания.

– Философ, позвольте мне дать вам искренний, дружеский совет. Не тратьте ваши силы. Таких чисел не существует.

– Ты смеешься надо мной, чужестранец? Откуда ты можешь знать это?

– В моей стране жил ученый, которого звали Ферма и о котором вы точно не слышали. Он сформулировал великую теорему, в которой говорится о том, что таких троек нет, а еще спустя много лет другой выдающийся математик это неопровержимо доказал.

– Ты можешь привести мне это доказательство? Я бы все отдал, чтобы узнать его!

– Конечно нет. Насколько мне известно, оно занимает тысячу страниц формул.

– Я не понимаю... Как человек вообще может придумать столь длинное доказательство?

– Я тоже не понимаю. Но он как-то смог. К сожалению, я больше ничего не могу рассказать об этом.

В этот момент за нашими спинами раздался шум, послышались шаги и крики. К Пифагору подбежал один из его учеников:

– Мастер, мы поймали еще двух шпионов. Они только что пытались тайно поджечь наш амбар с зерном и библиотеку!

Пифагор спешно встал и необычайно быстро для человека его возраста зашагал от грота вверх по очень крутому склону холма, а я поспешил за ним. Когда мы оказались в центре событий, то увидели двух молодых людей, прикованных к стенам. Их грозно допрашивал Милон, – впрочем, не прибегая к физическому насилию. Шпионы, как их называли, выглядели крайне испуганно.

Я не стал дожидаться развязки этой сцены, крикнул вслед Пифагору слова искренней благодарности (которые он вряд ли расслышал) и не спеша стал спускаться с холма. Солнце опускалось к горизонту со стороны гор на западе, его диск уже скрылся за вершинами. Было еще светло, но зыбкая поверхность моря казалась почти черной.

Я знал, что община Пифагора, которую из зависти недолюбливали все окрестные правители – сначала тайно, но с течением времени и ростом ее славы все более явно – будет и дальше подвергаться странным на первый взгляд нападениям одиночек, которым на самом деле пла-

тили сильные мира сего. Тем не менее, она благополучно просуществует еще около двадцати лет – до тех пор, пока на нее не нападет целая армия, многократно превосходящая общину числом и хорошо вооруженная. В ходе битвы все постройки общины будут сожжены; все еще здоровый и крепкий 80-летний Пифагор и его верный Милон – предательски убиты ударами в спину. Однако уцелевшие пифагорейцы, как уже покинувшие к тому времени общину, так и пережившие нападение, разнесут свет его учения по всем уголкам эллинского и средиземноморского древнего мира. Спустя столетия лучшие греческие и римские умы будут почитать Пифагора как великого ученого, визионера, мудреца.

Я вспомнил о его печальном конце. Когда я обернулся назад, на мои глаза навернулись слезы.

Но это были слезы радости.

Глава 6

Первый человек (Сократ)

Место: Афины, Греция

Время: 399 год до нашей эры

Он казался совершенным чудом. Парфенон, возвышающийся на афинском Акрополе и видный из любой точки великого города, был прекрасен как сказочный мираж.

Увы, кое-как восстановленные массивные ионические колонны без стен и крыши, которые можно увидеть в столице Греции в наше время, даже отдаленно не идут в сравнение с древним храмом богини Афины, каким он был построен. Тот Парфенон был выкрашен в белый цвет, подчеркивавший природную белизну мрамора, его портики и фронтоны расписаны прекрасными картинами в синих тонах. По всему периметру храма были установлены высокие мраморные статуи богов и героев. У подножия Парфенона, уровнем ниже, находился еще один храм, более древний и не столь утонченный, но и он впечатлял своими размерами и массивной крышей. У подножия Акрополя лежала главная площадь Афин – на современный взгляд небольшая; и все же на ней и поблизости в дни всенародных голосований и обсуждений новых законов собирались многие тысячи мужчин – свободных граждан еще недавно самого просвещенного, развитого и демократического города античности.

Этим утром на площади было почти пусто, лишь изредка по ней проходили туда-сюда прохожие, среди которых попадались и женщины в светло-зеленых туниках, с прикрытым полупрозрачным шарфом лицом (привычное многим представление, что в Афинах им предписывалось сидеть дома – преувеличение). Мне было жаль, что я не оказался в этом удивительном городе лет на тридцать раньше. Тогда, в расцвете своего могущества после блестящих побед над грозными персидскими армиями и строительства Парфенона, город буквально блистал богатством. Им управлял доблестный и справедливый Перикл, золото и серебро текло в казну рекой, а философы, архитекторы, ученые и ораторы составляли важную часть афинской элиты той, «классической» эпохи.

Теперь все было иначе. Несколько тяжелых войн со Спартой, длившихся долго и с переменным успехом, закончились в итоге поражением Афин, которое вдвойне усугублялось эпидемиями тифа и холеры, унесших жизни множества граждан. Жестокая непреклонная Спарта в конце войны проявила милость, решив не сносить город, и ограничилась уничтожением афинского флота (еще недавно принесшего великую общегреческую победу над Персией), срытием мощных городских стен и передачей города во власть марионеточных правителей. Внешне перемены в повседневной жизни Афин могли показаться незначительными. Однако атмосфера города стала совсем иной. Менее зажиточные граждане, составлявшие теперь большинство, вконец обеднели и нередко погибали, нанимаясь в чужие армии в ходе стычек между мелкими полисами, которые случались теперь в Элладе гораздо чаще. Простые граждане были озлоблены на властителей и то и дело конфликтовали друг с другом по поводу и без оно, а также искали виновных в случившемся крахе.

Разумеется, я не мог не подняться по высоким ступеням к входу в Парфенон. Я представлялся торговцем оливками из Фессалии – большой греческой области, не участвовавшей в войне, – добавив, что приехал принести в дар Афине несколько крупных золотых монет. Двое стражей у входа в полном боевом снаряжении ухмыльнулись и негромко сказали, что я могу отдать свой дар им, и за это они разрешат зайти в храм на пару минут, хотя негражданам Афин это запрещалось. Нравы в городе изменились: раньше подобное было бы невозможно; но мне в моей ситуации это было скорее на руку. Отдав им небольшой кошелек, я зашел внутрь. В храме не было никого, свет лишь слабо просачивался через небольшие окна

под потолком, так что внутри было довольно темно и тускло. Крупные цветные фрески на стенах изображали сцены из древней истории Греции, мифической и реальной: битвы богов с титанами в начале времен, штурм Трои, морское сражение Фемистокла. Легендарная статуя богини мудрости и войны Афины, которую многие античные авторы описывали как огромную, высотой до потолка храма, на самом деле была скромнее по размерам, всего несколько метров высотой, но казалась гораздо монументальнее благодаря тому, что стояла на высоком постаменте. Она не была сплошь золотой, как ее нередко описывали: тело богини было высечено из мрамора, лицо отделано желтоватыми вставками из слоновой кости, из золота же изготовлены были только роскошный шлем на голове Афины и одежда. Интерьер Парфенона показался мне более скромным, чем его волшебный вид снаружи, но все-таки исполненным достоинства. Когда я выходил, стражи посмеялись мне вслед, пригласив зайти сюда как-нибудь еще.

Некоторое время я со смешанными чувствами блуждал по немногочисленным каменным улочкам центра Афин, почти на каждом углу видя скульптуры и бюсты работы Фидия. Мне было очень приятно находиться в сердце города, подарившего миру демократию, пусть даже теперь для него наступили не лучшие времена. Однако, возможно, главную достопримечательность Афин, соперничавшую по известности с Парфеноном, застать на городских улицах в эти дни я уже не мог.

Вероятно, на фоне идеальных мраморных тел атлетов этот старик смотрелся особенно комично. Нескладный, с толстым свисающим животом под старым засаленным хитом летом или ветхим заплатанным плащом зимой, всегда в стоптанных почти до негодности сандалиях. Сварливый, громкий, умеющий сбить спесь с любого встречного острой, колкой, но всегда попадающей точно в цель шуткой или грубоватой насмешкой. Его забавное лицо с выпученными глазами и большим приплюснутым носом казалось типичным образом сатира, сошедшего с картины. Отдаленно похожих на него странных чудаков не раз встречал каждый из нас.

Но прозорливая Пифия при многих свидетелях назвала Сократа – а именно так звали беспокойного старика – мудрейшим из ныне живущих людей. И этому никто не удивился. Кажется, не было ни одного философского или ученого трактата, события в истории или просто традиции, о которой Сократу не было бы известно во всех деталях. Широта и глубина его познаний, казалось, не имели предела. Что было тем более удивительно, так как за долгую жизнь он покидал Афины один единственный раз, в преклонном возрасте – чтобы принять участие в одной из главных битв со Спартой. На войне Сократ, кстати, проявил себя героем: подбадривал молодых соратников, в зимний холод обходился без обуви и спал на снегу, а когда верховный стратег Афин был ранен, – вынес его на плечах с поля боя.

Сам Сократ мудрецом себя не считал, наоборот – всячески подчеркивал свое «незнание». Он любил говорить: «я знаю только то, что ничего не знаю». Правда, потом добавлял: «но другие не знают даже этого». Рожденный в незнатной семье каменотеса и повитухи, он уподоблял свое «дело», за которое, в отличие от всех других ученых и философов, принципиально не брал денег, ремеслу своей матери. Он утверждал, что никто из афинян на самом деле, если хорошо разобраться, ничего не смыслит ни в своей профессии, ни даже в собственной личной жизни. Но в результате разговора с ним, Сократом, «повитухой истины», человек мог «родить» новое, гораздо более точное и глубокое знание о себе и своей работе (если, конечно, был хоть на что-то способен, что бывало далеко не всегда).

Сократ был женат на еще более сварливой, чем он сам женщине (к чему относился философски), поэтому почти всю жизнь проводил вне дома, в публичных местах, домах знатных и не очень афинян, а еще чаще – просто на городских улицах. Его любимым делом был интеллектуальный спор на абсолютно любые темы. И даже его друзья, знакомые с ним не один десяток лет, не могли припомнить за все годы ни одного спора – хоть с ребенком, хоть с другим известным философом или даже с правителем Афин, – в котором Сократ в итоге не одержал бы блестящую логическую победу.

Когда Сократа спрашивали, с какой целью он это делает, он или отшучивался, или отвечал, что в каждом таком разговоре он «познает самого себя» и помогает в этом же самом своим собеседникам.

Однако далеко не всем жителям города беседы Сократа приходились по душе. Немало знатных афинян чувствовали себя публично униженными, когда им указывали на их невежество. Сократа обожали дети, а он любил их – поэтому подростки, в том числе отпрыски самых знатных семей, нередко убегали из дома без спроса на многие часы, а вернувшись, «дерзили» родителям, отстаивая свое мнение. Когда кризис в Афинах после военного краха и конфликтов граждан с правителями достиг апогея, в бедах города немалая часть населения обвинила не в меру разговорчивого старика, которому на тот момент перевалило уже за семьдесят. Суд над ним стал событием, которое обсуждали все Афины.

Сократу предъявили два обвинения: развращение молодежи и презрение к греческим богам. Он вызывался сам защищать себя; сделал это, конечно, блестяще, логически не оставив от обвинений и камня на камне. Но, на свою беду, на этом он не остановился и принялся зло иронизировать: сначала лично над обвинителями, затем над членами суда и даже нелестно прошелся по присутствующей афинской публике. Настроения в зале переменялись, и в итоге, при молчаливом согласии граждан, суд вынес Сократу смертный приговор. Его исполнение должно было состояться в течение трех недель, которые на днях как раз истекали.

К мудрецу и военному герою, к тому же имевшему много друзей и последователей, власти по меркам эпохи отнеслись с изрядным уважением: ему позволили выбрать вид казни, поместили его в самую «почетную» тюрьму Афин и даже почти не стерегли, давая тем самым понять, что никто не против, если Сократ отправится на все четыре стороны, – лишь бы подальше от Афин и навсегда.

От холма Акрополя и центра Афин до Холма Муз не более километра. Эти две величественные возвышенности подобны братьям, гордо вззирающим друг на друга. На склоне Холма Муз находились три небольших храма греческих божеств и естественная пещера с широким входом, размером с просторную комнату.

Трое совершенно безразличных стражников играли в кости за деревянным столом, отложив в сторону оружие. Как я и ожидал, заметив меня, они даже не удосужились отвлечься от игры. Горожане время от времени приходили к Сократу, чтобы пообщаться с ним напоследок и попрощаться. Еще поднимаясь, я заметил двоих спускавшихся с холма молодых людей, безмерно, до слез опечаленных. Позже я узнал их имена – Критон и Платон: с последним мне еще предстояло познакомиться, правда, в другом месте и в другое время.

Когда я зашел в пещеру, узник лежал на ложе навзничь, полуприкрыв глаза. На меня он взглянул с неподдельным удивлением: сколь бы ни были велики древние Афины, он, вероятно, хотя бы в лицо знал и помнил почти всех афинян. Меня неожиданно охватило оцепенение. Довольно долго – пару минут, а может, и больше – я молча стоял, едва перешагнув порог пещеры. Сократ заговорил первым.

– Скажи же что-нибудь, чужестранец. Я хочу увидеть тебя в твоих словах.

Я со всей вежливостью поздоровался с философом. Как и стражам храма, ему я представился жителем Фессалии, но уже не торговцем, а драматургом.

– Я хочу написать о вашей жизни произведение. Драму или трагедию. Вы сами ведь не написали за всю жизнь ни строчки. А я хочу сохранить память о вас в веках.

– А разве я стою того, чтобы обо мне помнили в веках? Да и что ты можешь написать? Слово изреченное не есть вполне то слово, которое мы задумали. А слово написанное всегда отличается от сказанного хотя бы оттенком смысла, но и это немалое различие. Наконец, слово, прочтенное кем-то спустя столетия – это слово совсем иное, нежели написанное сейчас. Так что же тогда обо мне люди смогут узнать через века из твоего сочинения? Будет ли это хоть как-то ко мне относиться?

– Мне обидно, что ваш недоброжелатель Аристофан сочинил комедию «Облака», в которой злейшим образом вас высмеял, выставив пустословом и безбожником. Разве такого вы заслуживаете?

– Ну, полно же. Я от души смеялся вместе со всеми, когда смотрел эту комедию в театре. Она популярна и весьма забавна. Аристофан просто не понял разницу между мной и софистами, выставив меня худшим из софистов. А ведь я всегда стремился делать прямо противоположное. Софисты учат подвергать сомнению любую истину, в этом их конечная цель, да они еще и берут за это с учеников большие деньги, чтобы жить сладко, припеваючи. Я, как и софисты, начинаю беседы с разрушения ложных утверждений, но лишь для того, чтобы в результате глубокого исследования предмета в конце разговора прийти к новым истинам. Помочь собеседнику понять себя и немного – окружающий мир. К тому же я делаю это от чистого сердца и, разумеется, бесплатно.

– И в чем же тогда их благодарность вам? Суд, тюрьма, яд? В этой трагедии я возьмусь описать вас так, чтобы люди сами устыдились того, как они с вами обошлись.

– Вероятно, ты делаешь это из лучших побуждений. Но скажи мне, что сделал бы моряк, увидев, как птица запуталась в веревках паруса, и сжалившись над ней?

– Это ведь очевидно. Распутал бы веревки и выпустил в небо.

– Иными словами, он немедленно перешел бы к делу. Позволь мне спросить тебя: а давно ли ты приехал в Афины?

– Мой корабль пришел в порт рано утром.

– Стало быть, ты в Афинах уже больше, чем полдня. Зашел ли ты за это время в библиотеку, чтобы ознакомиться с материалами дела и протоколом моего суда?

– Нет, Сократ.

– Предпринял ли попытку поговорить с людьми на улицах, чтобы от них узнать что-то о Сократе?

– Нет, я ни с кем не разговаривал.

– Ко мне только что приходили Платон и Критон. Скорее всего, ты встретил их по дороге. Они оба знают меня давно. Попробовал ли ты поговорить с ними, узнать, можно ли как-то помочь?

– Нет, они мне показались совершенно убитыми горем, и я не захотел их беспокоить.

– Прости тогда мне мое любопытство. Чем же ты был тогда занят эти полдня?

– Любовался Парфеноном, гулял по прекрасным улицам Афин.

– Я спрашиваю не ради того, чтобы обвинить тебя: Афины и впрямь прекрасны. Уж мне ли не знать об этом. Но подумай, не значит ли сказанное тобой, что я для тебя на самом деле – всего лишь еще одна живая достопримечательность, предмет капризного любопытства, и не более того?

– Я хотел осмотреть великий город, чтобы лучше понять его и запечатлеть в памяти. И затем сразу поспешил сюда. Ведь казнь должна свершиться на днях.

– Вернувшись в Фессалию и сев писать трагедию обо мне, чего ты самом деле жаждешь достичь? Чтобы люди узнали о Сократе? Или чтобы они узнали о тебе?

– Говоря откровенно, я хочу и того, и другого.

– Что ж, честолюбие – хорошее чувство. Но скверно, если оно перевешивает желание докопаться до правды. Берегись гордыни. Это самая коварная из человеческих ловушек.

– Философ. Я знаю, что спорить с тобой трудно. Точнее, бесполезно.

– Трудно спорить с истиной. А пререкаться со стариком Сократом – дело нехитрое.

– Сократ, мне больно видеть тебя здесь. Я считаю предстоящую казнь великой ошибкой. Но я не буду предлагать тебе бежать. Уверен, что Платон и Критон как раз убеждали тебя именно в этом, и делали это намного искуснее меня. Они тебя боготворят, поэтому иначе и

быть не может. Но, судя по их вконец расстроенным лицам, они не преуспели в своих стараниях. Но почему? Разве не в природе всех живых существ до конца бороться за свою жизнь?

– Что ж, твой вопрос разумен. И вправду, борьба за жизнь суть природа жизни. Но посмотри на меня внимательнее. Разве не странно бы я выглядел в глазах всех, кто знал и уважал меня, если бы тайком, ночью, усыпив стражей и подвергая огромному риску моих друзей и помощников, переодевшись и закрыв лицо, на старости лет на дне какой-нибудь рыбацкой лодки уплыл бы из родных Афин невесть куда? Я думаю, всем вокруг сделалось бы так смешно, что Аристофан взялся бы сочинить об этом очередную комедию. И не означал бы мой побег того, что я отрекаюсь от всего, во что верил всю мою жизнь?

– Но разве жизнь подлинного мудреца не бесценна?

– Жизнь любого человека бесценна. Но скажи мне: не смешно ли смотрелся бы бегун-марафонец, который, почти добежав до финиша, вдруг на глазах у зрителей развернулся и из всех сил побежал бы обратно, к старту? Не логичнее ли предположить, что уставший бегун, завидев близкую линию финиша, напротив, увеличит скорость, чтобы побыстрее пересечь ее?

– Но ведь смерть – это... смерть.

– И это утверждение хоть и наивно, но не ложно. Скажи, знаем ли мы с тобой хоть одного человека, который бы вернулся с того света и рассказал, что там все ужасно?

– Нет.

– Если так, то мы можем резонно предположить, что смерть – это одно из двух. Или бесконечно долгий сон без сновидений, или иная форма бытия человеческой души.

– Очевидно, что так.

– А теперь скажи мне вот что: разве плохо крепко-крепко заснуть? Даже цари говорят, что сон – это драгоценный подарок, одно из величайших наслаждений, дарованных человеку природой. А крепкий сон – это самый лучший сон. Так почему же нам стоит бояться вечного блаженного сна?

– Возможен и второй вариант.

– Да, и следует заметить, что второй вариант и вовсе выше всех похвал. Если мы переходим в иное состояние, то вообрази себе долину, в которой обитает душа, полностью освобожденная от оков бренного тела. Представь место, где можно бесконечно долго разговаривать с Гомером, Пифагором и другими великими людьми. Место, где душа может думать не о еде, сне, работе, а лишь о благе и о поиске истины. Наконец, это место, где больше нет смерти. Разве оно не чудесно?

– Мудрец, я и здесь почти готов согласиться. И все же во мне не угасает надежда, что в последний момент ты одумаешься.

– Я слышу голос твоего сострадания. Но скажи, куда же мне бежать? Есть ли в мире хоть одно место, где можно надежно укрыться от смерти?

– Полагаю, что нет.

– В таком случае мне гораздо лучше умереть достойно сейчас, чем недостойно и лишь немногим позднее.

– Но ведь ужасно то, что тебя казнят без вины.

– Как раз это совсем не страшно. Было бы гораздо хуже заслуживать смерти.

Даже на пороге небытия Сократ, очевидно, несколько не изменил свой взгляд на мир. Понимая, что разговоры о побеге бессмысленны, я задал последний вопрос.

– Философ, объясни мне, что, по-твоему, есть добродетель?

– Добродетель есть знание. Я почти не встречал дурных людей из мудрецов и ученых, но зато их, к сожалению, немало среди людей невежественных – особенно среди занимающих высокое положение. Добродетель также состоит в том, чтобы иметь всего в меру и не иметь ничего сверх меры. Слава Творцу, я никогда не испытывал тягу к роскоши и излишествам, и никому не желаю этого страшного зла. На свете столько дорогих вещей, которые мне не нужны!

Помни также, что причинять несчастье другому – хуже, чем если кто-то причинит несчастье тебе. Объяснение этого заключается в том, что душа человека во всем выше его тела. Вред, который ты наносишь своей душе, творя зло, страшнее, чем ущерб твоему телу или имуществу, причиненный кем-то другим.

Стражник принес тарелку со скудной овощной похлебкой, и, кажется, был уже готов силой выгнать меня. Я и вправду слишком задержался. Но я не знаю, есть ли на свете хоть один образованный человек, который бы не мечтал поговорить с Сократом.

Он умер практически без боли. В тот день Сократу разрешили покинуть тюрьму, и он в сопровождении нескольких самых преданных учеников и двух палачей – тоже поклонников его таланта – уехал в живописное местечко в одном из пригородов Афин, где, как и было предписано приговором, перед закатом, после долгой, утешающей учеников беседы выпил приготовленный палачом растительный ядовитый напиток без вкуса и запаха. Вскоре его конечности охладели. Предсмертной волей Сократа была просьба ученикам принести в жертву Асклепию, греческому богу врачевания, петуха. Так делали, когда человек выздоравливал от тяжелой болезни. Сократ считал, что физическая жизнь его брэнного, некрасивого, пожилого тела была болезнью, от которой в момент смерти его вечная бессмертная душа навсегда исцелилась.

Великие мудрецы, жившие до Сократа, прежде всего пытались объяснить законы мироздания, законы природы. И даже безупречный гуманист Конфуций интересовался человеком, рассматривая его как важнейший, но все же кирпичик для идеального, справедливого государства.

Сократу же был интересен обычный, простой человек.

Каждый, который ему встречался.

Глава 7

Мир волшебных идей (Платон)

Место: Сиракузы, эллинская колония (современные Сиракузы, Италия, остров Сицилия)

Время: 387 год до нашей эры

Остров Сицилия – одна из жемчужин Европы. Не случайно через полтора века это место станет великим яблоком раздора, причиной первой Пунической войны – начала раздора могущественных Рима и Карфагена.

В эпоху повествования Сицилия была среди самых процветающих мест на юге Европы. Основанные здесь, в основном, греками, крупные города-полисы впитали большую часть лучших эллинских научных и культурных достижений, но при этом развитие их не осложнялось ни извечной греческой географической стесненностью, ни недостатком плодородных земель.

Главным городом Сицилии были Сиракузы. Здесь имелось все, чем в те времена мог похвастаться греческий полис. При тиране Дионисии Сиракузы, прежде находившиеся под жестоким гнетом карфагенян, благодаря его управленческим и военным талантам стали независимыми, превратившись в крупнейший порт и центр торговли на всем европейском Юге. Это было место, где встречались купцы и ремесленники со всего известного тогда света. Город разросся настолько, что его пришлось разделить на четыре части, а его население впервые в истории Европы превысило миллион человек. В Сиракузах находился один из самых известных древнегреческих театров, который сохранился и поныне, а также великолепные храмы, посвященные Зевсу, Деметре и другим богам греческого пантеона.

Если Афины времен Сократа поражали благородством и изяществом архитектуры, то Сиракузы – динамичным, шумным, почти современным ритмом жизни. На главных улицах, ведущих вдоль побережья Ионического моря, царили вечные столпотворение и суeta. Повозки с запряженными в них ослами; ряды глиняных изделий тонкой искусной работы – амфор, кувшинов, горшков; яркая разноцветная одежда прохожих. В воздухе висела тяжелая смесь из запахов рыбы, человеческого пота и растопленной смолы для ремонта лодок. Звучала речь на множестве языков, среди которых греческий был даже не самым распространенным. Человеку современному показались бы экзотикой деревянные помосты, на которых группами стояли связанные или закованные в кандалы рабы для продажи, и именно они были одним из самых ходовых товаров портового рынка. Чернокожих среди них было немного: в основном девушки, которых дородные седовласые богатые граждане приобретали как экзотическую домашнюю прислугу и для любовных утех. Большинство закованных рабов были белыми. Для тяжелой работы в поле и на серебряных рудниках, особенно требовавших силы и дисциплины, ценились крепкие мужчины средиземноморской и европейской внешности, а важным для рыночной стоимости раба было владение хотя бы азами греческого языка.

Я пробирался через этот рынок не один, а вместе со своим новым знакомым по имени Анникерид. С ним я познакомился в таверне утром. Он рассказал мне необыкновенную историю, после чего мы вдвоем поспешили собирать деньги, которые нам требовались сегодня: срочно и очень много.

Анникерид приехал на Сицилию за компанию и по приглашению своего давнего знакомого, Платона. Оба они к своему пятому десятку слыли уважаемыми философами, и их имена немало значили в образованных кругах эллинского мира. Платон был одним из ближайших учеников великого Сократа и после его казни организовал небольшое философское общество в Афинах, написав за последнее десятилетие с десятков собственных глубоких, оригинальных работ. Анникерид был известен меньше, поскольку бывал в Афинах лишь пару раз, а сам жил

в Киренах, городе тоже крупном, но не столь значимом. Его работы не заходили так далеко и не были так смелы в выводах, но рассуждали в одном русле с работами Платона, и взгляды сближали авторов. Платон получил соблазнительное предложение от одного из богатейших правителей – тирана Дионисия из Сиракуз – приехать на несколько лет в качестве почетного гостя и политического советника. Помимо щедрой платы, правитель обещал по мере возможности следовать мудрым советам афинского философа. Первые месяцы все, казалось, шло как нельзя лучше. Идеи Платона сделали горячим поклонником его учения молодого племянника Дионисия, да и сам государь часто приглашал философа для долгих серьезных бесед вечером во дворце, выслушивая его с уважением. Но Платон никогда не держался раболепно и не пытался казаться дипломатичным. Он прямо говорил о том, что тирания – единоличное правление – не идет на пользу государству, и что тиран чаще всего действует, исходя из своей пользы, а не во благо всего общества. Трудно сказать, от каких именно слов вспыхнула искра: Анникерид на той встрече не было (к явной удаче для него). Дионисий, всегда слушавший Платона терпеливо, вдруг вспыл и громко обругал философа, при всех назвав его «вредным смутьяном». Он приказал страже заковать Платона в кандалы за его дерзости и увезти первым же подходящим судном из города, а затем продать на рынке невольников где-нибудь подальше от Сицилии.

Ранним утром Анникерид сбился с ног, подкупил нескольких охранников и все-таки выведаль название судна, на котором собирались вывезти Платона, и пункт назначения корабля. Крупный торговый корабль, капитаном которого был бывший карфагенский военачальник, некогда попавший в плен и ставший верным слугой Дионисия, направлялся к острову Эгина, что еще сильнее усложняло дело. Остров находился почти у самого дома Платона – напротив гавани Афин. Но Эгина была разрушена и сожжена в ходе войн со Спартой, и афиняне там ненавидели. Узнав наверняка, что Платон – гражданин Афин, да еще и весьма известный, с ним обошлись бы особенно жестоко и сразу продали бы наихудшему рабовладельцу. Единственное, что могло спасти его – очень крупная сумма денег. Обычный неграмотный раб стоил три-четыре афинских мины, образованный и умелый в ремесле – около двадцати; прекрасная юная рабыня для утех могла уйти с торгов за тридцать. Анникерид сказал, что за известного философа, да и еще и столь здорового, хорошо физически развитого, как Платон, могли запросить сорок мин, что равнялось двадцати пяти килограммам серебра. Примерно столько же стоила добротная вилла на побережье или приличная государственная должность, и таких денег у него не было.

Я помог новому приятелю раздобыть требуемую сумму – тот обещал мне сполна все вернуть по прибытии в Афины, и даже с процентами, но от процентов я, играя благородного эллина, отказался. Серебро нам пришлось везти, толкая по очереди перед собой небольшую тележку. По пути я рассказал ему, что был в темнице у Сократа за пару дней до его казни, прочтя в глазах киренца уважение, смешанное с завистью. Часть серебра пришлось отдать капитану корабля, который пустил нас под видом торговцев на свое судно. Разумеется, он не мог продать нам важного пленника прямо здесь же, на берегу, ибо это противоречило бы приказу тирана. Но он пообещал сделать Платону в почти двухнедельном пути некоторые поблажки (держать отдельно от других рабов, а не в душном, заливаемом соленой водой трюме, и разрешить ему ходить в цепях по палубе), а по прибытии на Эгину – дать нам возможность участвовать в торгах за невольников первыми.

Корабль по меркам античности был большим – в прошлом греческая боевая трирема, длиной не менее тридцати метров, с прямым парусом и рядами по пятнадцать гребцов с каждой стороны, переделанная теперь, в относительно мирное время, в торговое судно. Каюта, правда, была всего одна – совсем тесная, для капитана. Пассажиры все время сидели на жестких деревянных скамьях под парусиновым навесом от дождя и брызг в задней части корабля, сразу за гребцами, довольствуясь пару раз в день скудной едой, и лишь изредка разминались, прогуливаясь по палубе.

Увидев Анникерида, Платон вскочил со скамьи, и как мог, со скованными руками, по-дружески тепло прижал его к себе. Это был крепкий мужчина, широкий в кости, ростом выше среднего, с мощными плечами атлета, длинными волосами и густой, но не длинной, черной как смоль бородой. Он совсем не казался добрым или открытым – его глубоко посаженные глаза словно буравили окружающих острым испытывающим взглядом, а голос был похож на голос военного – звучный, уверенный (даже в таком незавидном положении), словно привыкший отдавать команды. Из стройного пылкого юноши, каким я его запомнил, встретив по пути к темнице Сократа, теперь, примерно в сорок лет, он превратился в сильного, уверенного в себе мужчину.

Ко мне Платон отнесся холодно. Даже в кандалах он всем видом как бы говорил, что я малодостойный непонятный проходимец. Если бы я не собрал большую часть денег, он бы, вероятно, не удостоил меня даже приветствием. Меня это не смутило – я ожидал чего-то подобного. Узнав, что я интересуюсь философией, Платон произнес:

– Что ж, фессалиец. Благодарю за помощь. Блесни же своим немногословием. Если ты совсем ничего не знаешь о науках, я не стану ничего тебе рассказывать. Философию невозможно понять, не зная логики, геометрии, астрономии, музыки. Для мудрого человека нет ничего ужаснее, чем понапрасну потраченное время. Даже здесь я могу заняться чем-то более полезным.

– Я неплохо сведущ в науках. Я общался с пифагорейцами и в целом владею основами математики. Немного играю на музыкальных инструментах. Кроме того, я читал некоторые из ваших работ.

– И что же ты из них усвоил?

– Я знаю, что первые из них полностью посвящены наследию вашего учителя, Сократа, и описывали его удивительную жизнь и талант. Но с каждой новой работой вы все больше излагали свои собственные идеи, которых не было у Сократа. Меня особенно заинтересовал мир эйдосов – идей. Кажется, такой мир прежде еще никто не описывал. Как следует его понимать?

– Да, я вижу, ты и в самом деле что-то читал, твои речи звучат разумно. Но прежде чем говорить о мире идей, представь себе некую метафору. Ее особенно любят мои ученики.

Я догадывался, о какой метафоре идет речь (ибо она не менее известна, чем теорема Пифагора), но, естественно, не стал его перебивать.

– Представь себе группу несчастных людей, с рождения живущих в пещере, и закованных еще хуже, чем я сейчас. Представь, что их спины всегда обращены к выходу, и единственное, что они видят в течение всей жизни – это задняя стена пещеры. Где-то далеко, на воле, мимо пещеры проходят люди, животные, проезжают повозки разной формы. Но все, что видят узники пещеры – это смутные, размытые, неясные тени на ее стене. Они слышат звуки, сливающиеся в однородный шум, тоже нечеткие. Они общаются друг с другом, за много лет они научились отличать одни тени от других. И именно тени им представляются реальным миром со всем многообразием его сущностей. Далее вообрази, что одного из таких узников вдруг освободили, и впервые в жизни он вышел из пещеры. Что с ним произойдет? Вначале он, безусловно, на какое-то время ослепнет от яркого непривычного света. Затем, если ему хватит воли, он начнет привыкать к солнцу и с крайним удивлением обнаружит, что мир – это совсем не то, что он себе всегда представлял. Что он бесконечно ярче и прекраснее. Что в нем есть цвета. Что предметы объемны, имеют форму и постоянно меняются. И вот тебе два вопроса. Захотел бы этот человек возвращаться в пещеру? Очевидно, что нет: всеми фибрами его души он противился бы этому. Но, допустим, что его заставили силой или он проникся жалостью к бывшим товарищам. Что сделали бы они с ним, услышав его рассказ? Полагаю, одно из двух: или объявили бы его сумасшедшим, или из зависти убили бы – как афиняне Сократа. Тебе ясна суть этой аллегории?

– Да, конечно. Эта одна из самых знаменитых аллегорий. Суть ее в том, что мудрец, постигший высокие истины, будет не понят простыми обывателями и скорее всего пострадает от них. Но если он – справедливый и добродетельный человек, он все равно обязан вернуться к узникам и рассказать им об этих прекрасных истинах. Другой, еще более важный смысл аллегории: мы все в некотором смысле живем в такой вот тусклой пещере. Нас окружают вечно меняющиеся, быстро преходящие, малоосмысленные материальные сущности. Что-то вроде блеклых теней на стене пещеры. Но в мире, который мы не видим глазами, а постигаем только разумом и воображением, существуют более высокие, прекрасные, сияющие сущности. Это и есть мир идей.

– Что ж, ты делаешь успехи. Когда я вернусь в Афины, я согласен принять тебя в ученики. Разумеется, то, о чем мы сейчас говорили – лишь основы моего учения.

Анникерид повернулся ко мне, широко улыбаясь, словно говоря «Счастливцев! Великий Платон готов взять тебя в ученики. Благодарю же его!». Но я не отреагировал, стремясь продолжить разговор.

– Скажи же, мыслитель. А кто сейчас сидит прямо передо мной? Великий философ Платон или идея о философе Платоне? А если и то, и другое одновременно, то почему бы нам не провести опыт? Давай сейчас выбросим все наше серебро за борт. Пусть идея Платона вернется в Афины и снова будет преподавать мудрость, а человека Платона тем временем продадут в рабство, и он сгниет заживо за пару лет, крутя, как мул, жернова мельницы или работая сутками на руднике?

Вероятно, если бы дело происходило много позже, в платоновской Академии, философ ударил бы меня небольшим хлыстом: уж очень ему набил оскомину такой или похожий контрдовод, слышанный им сотни раз. Но сейчас он лишь раздраженно покачал головой.

– Пока человек жив, он и идея о нем неразделимы. И все же, – и это главное, чем мы отличаемся от неразумных животных, – уже при жизни, благодаря разуму нашей души, мы можем хотя бы ненадолго увидеть, распознать сокрытый мир идей, прикоснуться к нему.

– Пожалуйста, философ, приведи пример такой прекрасной идеи!

– Возьми любую вещь на свете. Например, этот корабль. Когда ты вчера узнал о том, что меня выдворят с Сицилии на корабле, точно ли ты себе представлял именно это судно?

– Конечно, нет.

– Но ведь в целом ты понимал, что имеется ввиду под кораблем, для чего он нужен, как выглядит?

– Безусловно, понимал.

– Иными словами, в твоём уме всегда существовала идея о корабле. И даже в раннем детстве, еще ни разу не видя кораблей, когда взрослые говорили о них, ты хотя бы в общем их представлял. Вот другой пример. Когда лекарь говорит о болезни, имеет ли он в виду недуг конкретного человека?

– Полагаю, что нет. Описание болезни есть обобщение ее наиболее характерных признаков.

– Именно. Давай же отвлечемся от частных вещей и рассмотрим вещи более возвышенные. Что такое Эллада? Ведь такого единого государства никогда не было. Греки расселились по миру, как лягушки по берегам пруда. Основали сотни независимых полисов, каждый со своими законами. Как же мы можем определить нечто как «эллинское»? Допустим, эллинское – это все, что связано с греческой культурой. Например, язык. Но существуют разные диалекты греческого. Далее, темнокожий раб, привезенный в Афины ребенком, и говорящий на греческом как на родном – разве он эллин? А чистокровный афинянин, заброшенный на чужбину и забывший язык (или, например, немой) – варвар? Понятно, что нет. Как ни старайся, не дашь точного определения понятию «эллинский». А между тем, мы все так или иначе понимаем, о чем идет речь. Потому что осознаем идею об Элладе.

Я слушал великого эллина и думал о том, как много споров, суждений, аналогий будет рождать учение Платона об идеях вплоть до сегодняшнего дня. С одной стороны, оно слишком умозрительно. Как потрогать, попробовать на вкус, провести химический анализ идеи, которой физически вроде бы не существует? С другой – это поразительный и во многом точный взгляд на мир. Платон говорит, что предмет – преходящ, идея – вечна. Возьмем собаку. Она реальна, а идея о ней не может ни кусаться, ни лаять. Но пройдет несколько лет, эта собака умрет, родится другая. Почему она будет почти такой же? Потому что во всех собаках есть генетический код. Но, расшифровав код зародыша, точно ли мы будем знать, какая из него получится собака? Нет, лишь приблизительно. Потому что ДНК – это не то же, что компьютерная программа. Скорее, это нечто вроде идеи о собаке.

Другой пример. Допустим, я работаю в Apple. Что такое эта компания? Юридическое лицо? Но ведь оно может перерегистрироваться в любой день. Детище Стива Джобса? Но он уже умер. Компания, которая производит смартфоны с логотипом яблока? Их делают на фабриках в далеком Китае. Сообщество творческих людей в головном офисе в Кремниевой Долине? Но сотрудники корпорации ежедневно приходят на свои рабочие места и покидают их. А еще они все недавно переехали в новый офис. Так что же, в конце концов, есть компания Apple, если не платоновская идея о ней?

Я отвлекся от мыслей и спросил философа, который в эту паузу отпил воды из амфоры:

– Как же в таком случае строится наш мир?

– Он состоит из трех уровней. Первый, низший уровень – это материальные предметы. Те самые тени из пещеры. Их во Вселенной больше всего: ведь одна идея воплощается во множестве объектов, но никогда не бывает наоборот – чтобы один материальный предмет относился к нескольким идеям. Первый уровень мира мы постигаем как животные – одними лишь органами чувств: зрением, обонянием, слухом. Второй уровень – начало мира идей. Здесь пребывают идеи, прямо связанные с предметами. Представления о них живут в человеческом разуме, и для их постижения достаточно простой логики и воображения, они не требуют большой работы. Третий, высший уровень Вселенной имеет совершенную, божественную природу. Это изначальная суть идей, возникшая в момент их рождения, определенная Творцом. Только великие философы и истинные мыслители могут своим разумом пусть ненамного, но проникнуть в него.

– И только такие, сверхразумные люди достойны быть во главе государства?

– Совершенно правильно. Все беды этого мира – в том, что обществом и государствами управляют люди, которые не способны на это.

– Что же тогда представляет собой идеальное государство?

– Из трех уровней состоит не только наша Вселенная. Из них также состоит душа каждого человека, и, соответственно, на них же должно быть разделено гармоничное, правильное общество.

– Как это можно осуществить в реальной жизни?

– Государства, которые существуют сейчас, обычно раз за разом проходят один и тот же цикл, а затем возвращаются в исходную точку, не обнаружив при этом никакого прогресса. Они начинают как аристократия, которую я считаю относительно справедливой формой правления. Но затем они вырождаются в олигархию – власть узкой группы людей, замешанную на личных связях и деньгах. Народ начинает бедствовать, восстает, и так возникает демократия. Но она лишь кажется справедливой. Суд в Афинах над Сократом прошел при полном согласии большинства. Демократия похожа на базар, где мелькает великое множество разных цветов, но наверх поднимаются посредственности. Народ устает от демократии и голосует за единственного правителя, который поначалу еще притворяется мудрым, добрым и справедливым, но вскоре обнаруживает свою тираническую сущность. После смерти тирана или заговора против него власть вновь становится аристократической, и весь цикл повторяется с начала.

– Не могу согласиться с твоими взглядами на демократию. Но предположим, что ты прав, и демократия не идеальна. Что же тогда представляет собой подлинно идеальное государство?

– Я уже упоминал, что душа человека тоже состоит из трех уровней. Низший (назовем это желудком души) стремится к чувственным удовольствиям – к еде, деньгам, телесным наслаждениям. Эти ценности являются главными для ремесленников и землепашцев. Они должны образовать первый слой общества – «железный», их можно назвать производителями. Второй уровень души человека подобен сердцу. Для тех, кто поднялся над низменным, смыслом становится служение обществу. Они следят за порядком в государстве и защищают его от внешних врагов, и это серебряный слой общества. Наконец, третий уровень – это разум. Люди, достигшие высшей мудрости и полностью отринувшие все земное и суетное. Таких людей никогда не бывает много, но именно они есть «золото» народа, и им надлежит быть правителями идеального государства. Заметь: когда я делю общество на три уровня, я не имею в виду, что представители более высокого сословия получают больше благ или зарабатывают больше денег, чем представители низкого. Все люди, независимо от уровня, должны жить в примерно одинаковом, среднем достатке: так им не придется ни испытывать страдания от нехватки чего-либо, ни подвергнуться искушениям чрезмерного богатства, которое приводит к утрате интереса к своему делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.